

Архимандрит Зинов (Теодор): Слово на литургии после чтения Апостола

Проповедь

В ХРАМЕ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ПЕЧАТНИКАХ

21 МАЯ 1995 ГОДА АПОСТОЛА ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА БОГОСЛОВА

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! Вы, очевидно, уже заметили, что начиная с Пасхи, на каждой божественной литургии мы читаем Деяния святых апостолов. Это история зарождающейся Церкви Христовой, которая явилась в мире как плод Христова Воскресения. «Шедше в мир весь, проповедуйте Евангелие всем народам!» – это последняя заповедь, данная Христом Своим возлюбленным ученикам и апостолам на горе Елеонской перед самым Его восшествием к Отцу. Апостолы, проповедуя Благою весть, особенно много внимания уделяли проповеди о явлениях Воскресшего, о своем опыте общения с Воскресшим Христом. Основа христианской веры – Воскресение Христово, поэтому апостол Павел христианской общине в городе Коринфе говорит: «Если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша, если не воскрес, то вы все еще во грехах». После Воскресения Христова по-видимому в мире ничего не изменилось, люди как умирали, так и продолжают умирать, вокруг мы очень часто видим смерть и разрушение, однако Церковь не устает утверждать, что смерть побеждена, ад разрушен, и жизнь торжествует. Каким образом согласовать все это? До Воскресения Христова смерть воспринималась как конец, как обрыв, за которым была тьма небытия и вечная смерть. Христос, Который есть Первенец из умерших, после Воскресения проложил нам путь к Богу и к вечной жизни. Если каждому из нас надлежит физически умереть, то это уже не обрыв, жизнь от этого не утрачивает смысла, а наполняется совершенно новым содержанием. В современном мире каждый христианин должен быть апостолом и свидетелем. Эта заповедь дана на все времена. Времена менялись, менялись формы проповеди, призвание же оставалось неизменным. Для того чтобы о чем-нибудь свидетельствовать, необходимо самым полным, глубинным образом к этому приблизиться. Вера в Воскресение Христово – это не просто уверенность в том, что Христос восстал из мертвых. Это некое чувство, это переживание Воскресения, или другими словами, это пасхальная Радость. Источник, из которого мы черпаем эту радость, – Евхаристия, где Христос приходит к Своим всякий раз, и пребывает с ними неотступно, дает нам возможность самого полного общения с Ним. В конце литургии мы произносим замечательные слова: «Мы видели Свет истинный, мы приняли Духа Небесного, мы обрели веру истинную». И после этого следует возглас: «С миром изыдем». Церковь посылает нас во тьму мира, для того, чтобы мы несли туда тот Свет, к которому мы приобщились здесь, за Евхаристией. В пасхальный период эти слова заменяются равнозначными, вместо них, мы поем: «Христос воскрес!», ибо вера истинная – это вера пасхальная, и Свет истинный – это Свет Воскресения. Это налагает на нас очень большие обязанности и большую ответственность. Мы должны строить свою жизнь так, чтобы быть достойными носителями этого Света. Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе

(октябрь 1991 года)

Проповедь

[1]

6 октября. Слово на литургии после Евангелия (Лк 5: 1-11)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Господь учил людей, но учил на некотором расстоянии от них. Это иерархическое Его положение, Его неравное по отношению к народу духовное состояние символически как бы присутствует в образе лова рыбы Господом. Мы слышали, что Господь учил людей из лодки с воды, а когда перестал учить их, то захотел глубины, большей глубины, и отплыл от народа на такую глубину. И начался новый лов, который уже совсем не соответствовал человеческим представлениям об улове.

Симон Петр, как всегда, начал было возражать, исходя из своего иудейского опыта. «Мы трудились, — сказал он, — всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть». И сделали так, как Господь сказал, превзойдя весь свой житейский опыт, многолетний опыт рыболовов, ловивших, пытавшихся ловить рыбу и на глубине. Господь, конечно же, не случайно сказал это слово. «Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась», — говорится в Евангелии. Даже возникла потребность в помощи товарищей, находившихся в другой лодке.

Когда увидел такой чудесный улов Петр, эта Скала, этот Камень, на котором зиждется Церковь Христова, то он снова вдруг сделал нечто невпопад. Он снова стал как бы перечить Господу. Постоянно думая о Нем, постоянно желая быть с Ним, Петр припал к коленям Иисуса и сказал: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный». Выйди, уйди, неизвестно куда, неизвестно зачем, ибо я не могу быть рядом с Тобой. И этим все сказано: кто я, чтобы быть причастником Того, Кто может все? Выйди от меня, я человек недостойный.

Не так ли и мы с вами, братья и сестры, часто говорим Богу: «Уйди от меня, отойди, я не могу быть в таком жаре, я не могу быть там, где разрушаются мои привычные представления о жизни, о мире, о том, что должно и что не должно».

Ужас объял Петра и его товарищей, сынов Зеведеевых, Иакова и Иоанна. А они, все трое, почитались позже столпами Церкви (вспомним апостола Павла). Но поэтому все они считали, что можно расстаться с Господом, ибо они люди грешные, недостойные. И тогда Иисус сказал им: «Не бойтесь». Если прежде веками люди трепетали, впадая в ужас от всего, что совершал и говорил Бог, то теперь Петр и все, бывшие с ним, услышали нечто совершенно новое: не нужен этот ужас, время страха прошло, не бойтесь.

Если остаться в рамках старого опыта Богопознания, то действительно, кто на земле достоин того богообщения, которое открывается нам во Христе? Наверное, никто и никогда. Но мы входим в Новый Завет с Богом, мы надеемся, что Господь, сказавший Симону: «Не бойся; отныне будешь ловить человеков», то же самое говорит и нам. И мы должны освободиться от всякого страха, от всякого ужаса, даже священного. Это нужно для того, чтобы ловить с Богом, совершать с Ним ловлю человеков, душ человеческих. И нельзя, братья и сестры, это делать по человеческим меркам, как, к сожалению, часто поступали люди, свидетельствуя, проповедуя, миссионерствуя от имени Христа. Они делали это слишком по-человечески, не желая постичь

глубины Христовой, не желая знать этого Христова улова.

Многие из нас тоже хотели бы ловить человек, многие хотели бы, чтобы сила Божия совершилась в нашей немощи. Но тогда будем, братья и сестры, подобны апостолам, услышавшим на глубине голос Христа, которые оставили все и без страха последовали за Ним!

Аминь.

Слово после литургии

Дорогие братья и сестры! Было бы очень хорошо, если бы мы могли сказать, что причастие для нас с вами — это состояние духа, которое признано нами нормальным, что это норма жизни каждого из нас, поэтому особого поздравления с причастием теперь нам не требуется, конечно, кроме тех, кто причащается в первый раз или после перерыва, или после отлучения. Нам с вами, братья и сестры, действительно надо осознать, что причастие есть норма, и отклонение от нее — вещь ненормальная. Мы с вами представляем Тело Христово и являемся пусть малыми, незначительными, немощными членами, но все-таки членами этого Тела. Мы живем этим приобщением ко Христу, к Его ломимому и прославленному Телу, к Его пролитой на Кресте и принятой Богом Крови. Вот в этом приобщении мы живем здесь, на земле.

Братья и сестры! Как бы хотелось, чтобы Тело Христово, будучи живым, всегда росло, росло в Духе и Истине, росло численно, чтобы в этом Божьем Телу становилось больше членов. И как бывает жаль, когда кто-то из наших братьев или сестер остается без причастия по объективным ли, субъективным ли причинам, но по причинам мира сего. Это действительно очень и очень печально.

Я уже неоднократно предупреждал вас, что перед чашей исповедовать больше не буду, за исключением чрезвычайных случаев, и уж если человек пришел после Херувимской, то пусть он не подходит. Вот и сегодня, к сожалению, пришлось некоторым отказать в причастии, потому что они пришли вообще после канона. И конечно, мы все знаем, что в таком случае, когда пропущено само священнослужение, полной причастности быть не может, и потому причащать в таких случаях я никого не смогу. Помните об этом, братья и сестры.

Кроме исповеди накануне, я буду давать разрешительную молитву на следующий день утром, до службы. Если служба в 9 часов, то разрешительную молитву я буду давать в половине девятого. Вчера я об этом тоже говорил, однако в половине девятого был еще совершенно пустой храм, пришли всего два человека, а потом — очередь почти до 10 часов. Вряд ли это та норма, которой нам стоит держаться.

Дорогие братья и сестры, не такие уж у нас чрезвычайные обстоятельства в жизни. Мы не хотим быть сильными силами мира сего. В нашей немощи и в этом соборе, конечно, совершается сила Божия, иначе невозможно было бы нашей маленькой группке, нашей маленькой общине что-то здесь сделать. Давным-давно тут осталось бы лишь несколько человек, если бы Господь не хранил Свой дом. Так будем же и мы ревностны к этому дому!

Храни вас всех Господь!

9 октября. Преставление св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Слово перед утренней

Братья и сестры, христиане! Нам с вами важна проповедь Любви. Более всего — проповедь Любви. И должны быть всегда в Церкви люди, и я знал таких людей, старцев, которые возвещают в первую очередь именно о Любви Божией, и этой силой Божией Любви покоряют сердца людей. И увы, конечно, не так много находится людей, которые на это откликаются. Ведь люди с удовольствием принимают другую проповедь о любви, о любви сентиментальной, о любви бессильной, о любви не духовной, а душевной или телесной. Это люди понимают и принимают с удовольствием, а вот христианскую проповедь о Любви люди не вмещают и не понимают.

Но нам с вами нужно думать о той традиции Богопознания, которую открывает Господь через апостола Иоанна. У нас есть явный недостаток этого духа открытости к Богу. Наша цель — и познавать Бога, и слышать, когда Бог нам что-то говорит, открывает. В нашей жизни явный недостаток как пророческой традиции, так и традиции гностической, традиции познания Божиих тайн. Вот это самое важное и, может быть, сейчас самое трудное в христианской жизни.

Традиция апостола Иоанна, традиция познающей Любви, действительно, самая трудная для исполнения. Легче традиция апостола Иакова, иудеохристианская традиция, которая проповедует закон Свободы. Также легче исполнить традицию апостола Петра, который проповедует Христа во всех обстоятельствах, включающую и утверждение Церкви как скалы, как камня, о который могут расшибиться современные люди. Легче даже проповедовать очень сложную, очень глубокую традицию апостола Павла, и мы видим, как это делают некоторые западные братья. Но как бывает легко при этом противопоставить веру и дела, важные в нашей христианской жизни, и тогда спасение верой оказывается уже не вмещающим полноты этой жизни.

Давайте об этом думать, давайте это воспримем и умом, и сердцем, несмотря на то, что наша христианская жизнь только расцветает, и нам в Церкви нужно все, и нет ничего того, что бы в Церкви нам не было нужно. Но расставлять акценты в каждую эпоху Господь предоставляет нам самим, уж как мы это можем сделать и насколько мы сами можем это вместить.

Почитание святого апостола Иоанна в нашей Церкви всегда было очень торжественным и всеобщим, в т. ч. Литургическое почитание. Оно до сих пор сохранилось в нашем Уставе, требующем именно такого его прославления. Но много ли сегодня нас здесь? Много ли в других храмах? Увы, нет, что, конечно, не соответствует ни Уставу церковному, ни духу церковному. И тем не менее это факт, который не видеть мы не можем. Факт важный. Если сейчас спросить кого-либо на улице: «Какой сегодня праздник?», то я уверен, что никто не ответит. А вот, допустим, на Николу спросить: «Какой сегодня праздник?», — ответят, не все, но ответят.

Такие искажения традиций в христианском православном народе должны быть нами замечены, братья и сестры, не для того, чтобы кого-то укорить или обвинить, а для того, чтобы нам самим внутри себя преодолеть эти искажения. Мы должны идти по пути познания духом того апостольского наследия, пророческого и гностического, которое дано нам Господом. Тогда наше прославление апостолов всегда будет действительно достойным.

Аминь.

Слово на утрене после Евангелия (Ин 21: 15-25)

Братья и сестры, христиане! Сейчас снова невольно мы должны как бы продолжить то размышление, то слово, которое сегодня начали, ибо в отрывке из Евангелия, который вы сейчас слышали, тоже сказано о двух традициях, которые как бы противопоставляются друг другу.

Вот традиция образа апостола Петра-Симона, который был горячим приверженцем своего Учителя, одним из ближайших учеников, но который и отрекся от Него трижды. Господь восстанавливает его в апостольском достоинстве, но говорит: «Когда состаришься, то другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». А апостол Петр подумал, что это общая судьба и, увидев сзади идущего Иоанна, спросил и о нем: «Господи! А что же он?», т. е. какова его судьба, каков его путь? И тогда Иисус произносит вот эти таинственные слова, которые мы много раз с вами слышали и знаем, что они означают. Он говорит о постоянном пребывании этого верного ученика в Церкви, на земле. Но Он не говорит об этом материально, физически, это будто означает, что не умрет Христов ученик Иоанн. По откровению Христову, этот ученик должен пребывать верным на земле до самого конца. Его судьба с начала до конца связана с судьбой Господа, а значит, с Его Церковью, с Его Телом, пока не придет Господь.

Братья и сестры, не случайно эта судьба уготована любимому ученику Христову. Давайте вспомним о последней детали, о которой я сегодня по существу еще не говорил. Апостол Иоанн — один из ближайших и при этом любимый. Мы с вами часто жалуемся на то, что нам не хватает любви, или подменяем, как я сегодня уже говорил, любовь духовную любовью всякого иного рода — сентиментальной, душевной, чувственной и прочей. Так вот, братья и сестры, очень просто обрести любовь. Надо войти в традицию апостола Иоанна. Тогда мы обретем духовную любовь, не слащавую, не сентиментальную, но духовную.

Апостол Иоанн пребывает с нами в Церкви, он действительно учит любви и ревности в этой любви, но ревности не человеческой, а ревности по Богу. Апостол Иоанн как бы идет вслед Иисусу, он никогда не отречется от Христа, и ему не нужно будет слушать никаких слов о том, как любить Господа, как пасти Его агнцев и Его овец, потому что это с ним всегда. Не нужно будет ему слушать и того, что раньше он ходил, куда хотел, а в старости его препояшут и поведут, куда он не хочет. Иоанн навсегда остается любимым и любящим, Иоанн остается жертвенным, Иоанн остается Богословом, остается тем орлом, который знает, что такое небо и что такое гром и молния с небес.

Богословие — дело очень тонкое и очень высокое. Столь высокое, что многие современные люди лишены даже вкуса к богословию, совсем не в состоянии быть какими бы то ни было богословами. Многие даже считают, что все это не нужно, что это одни предания человеческие, что это лишь «предания старцев» и что ими можно поэтому пренебречь: мол имей веру и иди, проповедуй! Но наша Церковь познавала в духе св. апостола Иоанна новую реальность этого мира, познавала и человека устами Божиими. Мы с вами должны быть достойными наследниками этой иоанновской традиции, этого духа, и тогда, несмотря на все наши внешние слабости, мы будем действительно любимыми учениками Христа, подлинными богословами, имеющими и разумеющими свой знак орла.

Аминь.

12 октября. Прп. Кириака. Слово на утрене

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами чтим память святого Кириака, который скончался в 556 г. Его житие — это типичное житие человека, отдавшего всю свою жизнь подвигу — подвигу аскета, подвигу покаяния и молитвы. Это святой, который действительно показал, что такой подвиг не только не претит человеку ни в чем, но, наоборот, возвышает его перед Богом,

перед теми людьми, для которых Божья воля стоит впереди всякой славы.

Братья и сестры, я хочу выделить из этого жития еще один момент. Святые отшельники, такие как прп. Кириак, не были вдали от церковной жизни. Вы помните, что они участвовали в литургии, причащались, они же боролись и с ересями в Церкви. Очень часто именно монахи и отшельники возглавляли такую борьбу. Они не считали, что это не их дело, что это дела мирские. Они знали, что духовное прозрение и духовная борьба есть их долг, и они к ней причастны, если Господь дает им на это силы.

Вообще же, братья и сестры, в житийных текстах нам всегда интересно отмечать, что жизнь святых, каждый из которых имел особые дарования, удивительно целостная, удивительно нераздробленная. У каждого был свой дар Духа, которым он служил, но эта житийная целостность в них всегда сохранялась. А в наше время, когда все стремятся иметь все, главная потеря это потеря целостности духовной жизни, и внутренней, и внешней. И эта раздробленность нашей жизни, повторяю, парадокс. Именно тогда, когда люди хотели всего, тогда они все и теряли. А когда они не претендовали сразу на все, когда каждый искал свое скромное место в этой жизни, тогда люди обретали эту целостность в любви к Богу и ближнему. За это они и прославляются в Церкви, т. е. и Богом, и людьми.

Аминь.

Слово после крещения детей

Дорогие братья и сестры! Наша жизнь должна быть собранной, нерассеянной, собранной не просто психологически, а собранной духовно, собранной со Христом и во Христе, чтобы ничто от нас не отпадало.

В течение нашей жизни иногда случается, что то одно, то другое как бы не принадлежит Христу. А вот новокрещеным уже надо запомнить, что ничего не должно от Христа уходить, ничто не должно пропадать, оставшись без Бога. Вот поэтому-то и не нужно нам с вами грешить. Надо всегда стараться не грешить, иметь твердое намерение стать святым. Если мы совершили какое-то согрешение, то сразу непременно надо каяться и стараться исправляться. Благодатью Божией покрываются многие согрешения человека. В крещении мы с вами умираем для греха, чтобы жить для Бога, чтобы, как сказал апостол Павел, мы почитали себя мертвыми для греха, живыми для Бога. Не не вообще для Бога, а для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Вы все христиане, вы члены единого живого Тела. Сейчас мы принимаем самых невинных, самых маленьких в члены нашей Церкви. И мы должны стараться учиться у них быть в нашей вере как дети, но, с другой стороны, мы должны учить их премудрости жизни в этом мире. Это очень, очень непросто. И сегодня я и все вы радуемся их смерти для греха и жизни для Бога. Мы все обновляем и себя и свое крещение, потому что каждый новый святой действует духом своим на Церковь и на нас.

Смотря на этих детей, которых мы крестили, мы вспоминаем свое крещение и поэтому особо молимся за них, за их родителей, за крестных, за всю Церковь, за всех, принявших такую благодать от Бога.

Аминь.

Слово к восприемникам

Братья и сестры! Действительно, крещение детей в наше время — это подвиг, с которым

трудно что-то сравнить. В наше время, когда так трудно воспитывать детей вообще, а духовно особенно, чтобы крестить детей — нужно быть образцовым христианином. Крещение детей будет на пользу всем только в том случае, если они сохранятся в Церкви на всю жизнь. Поэтому перед вами задача необыкновенной сложности — ответственность уже не только за себя, но и за ваших чад.

Вы знаете, что было бы лучше всего крестить детей в церкви тем семьям, которые в общинах наиболее духовно продвинуты, утверждены в вере. И крестные должны быть такими же. Ну коли уж вы крестили своих детей, значит, вы и есть такие «самые-самые». Во всяком случае, если взялись, то теперь уже не отходите от этого и будьте для нас всегда, во всей вашей жизни таким примером.

Многие часто не решают крестить детей потому, что это уж очень ответственно и трудно в наших условиях. Вы решились, и слава Богу. Мы действительно вам очень рады. Но повторяю, вам теперь нужно быть «самыми лучшими» в Церкви. Теперь готовьте ваших детишек к причащению завтра. Но и потом не забывайте, что детское крещение всегда неполное. Если вы хотите, чтобы оно было исполнено, надо их учить и покаянию, и молитве, и основам веры и жизни христианской в целостности и последовательности. Это дело не одного года. Их детская вера должна еще будет стать взрослой — это трудно, но это ваша задача. Вот об этом никогда не забывайте. Если крещение останется неполным, вы будете отвечать за это. Ну а мы, со своей стороны, будем молиться за вас и помогать вам, чем можем.

Храни вас всех Господь!

Слово на вечерне после паримии (Быт 22: 1-18)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Мы с вами сейчас слышали рассказ, знаменитый рассказ Ветхого Завета о жертвоприношении Авраама. И сколько бы мы ни всматривались и ни вслушивались в слова этой древней мистерии, этого богочеловеческого действия, оно продолжает нас с вами волновать, оно продолжает увлекать нас с вами в глубину познания судеб Божиих в этом мире.

«На горе Иеговы усмотрится» — так вошло в поговорку то, что произошло с Авраамом и его единственным обетованным перед Богом сыном Исааком. «Бог усмотрит Себе агнца для всежжения, сын мой», — так сказал Авраам.

«Бог усмотрит Себе агнца», «на горе Иеговы усмотрится» — вот ключ к пониманию того, что заключено в этой мистерии. «Благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего», — вот окончательные слова Божии, сказанные верному рабу Его Аврааму, отцу всех верных. И здесь нельзя не видеть прообразования.

Сейчас, в этот день, когда мы начали празднование Воскресения Христова, в этот маленький пасхальный день, может быть, нам с вами стоит обратить внимание на те стороны прообразования, которые не всегда улавливаются обыденным сознанием, живущим часто лишь христианско-библейской культурой, а не полнотой христианской жизни. «Благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего». Как не отнести эти слова, сказанные Аврааму, к Богу и к возлюбленному Сыну Божьему Господу нашему Иисусу Христу, в Котором благословляются все люди земли, ибо Он также послушался гласа Божьего, но только был готов закласть уже не сына Своего, а Самого Себя? «Никто не отнимет жизнь Мою, — сказал Господь, — Я Сам отдаю ее». «Я Сам отдаю Свою жизнь» — и это больше Авраама!

Мы все с вами тоже братья и сестры по вере, ибо Авраам наречен отцом всех верующих на земле. И мы готовимся к тому, чтобы предать всю свою волю, всю свою жизнь в руки Божии, так чтобы Бог мог «усмотреть Себе агнца», чтобы Он господствовал, чтобы Он владел нами, чтобы Он владел нашими сердцами, ибо Богу ничего более не надо. «Чадо, дай Мне сердце твое!» — говорит Господь.

Во Христе исполняются древние прообразования. Во Христе они исполнились, а в Церкви, Теле Христовом, продолжают исполняться. Вот поэтому, братья и сестры, мы сегодня, на этой воскресной вечерне вспоминаем об Аврааме, вспоминаем о его жертве, о его послушании гласу Божьему. Этот рассказ, эта мистерия соединяется в нас с подвигом Христа на Голгофе, и мы прославляем Воскресшего Сына Божьего, в Котором прославляются и все народы земли.

Аминь.

Слово на исповеди после вечерни

Братья и сестры! Перед нами часто встает вопрос о тайне спасения. Мы знаем, что у нас с вами один Спаситель — Господь наш Иисус Христос, Который спасает нас не по заслугам нашим и не по делам нашим, а только по милости Своей, по дару Своему. Мы знаем, что это спасение приходит к нам как бы сразу, хотя полноту даров Божиих и плодов мы усваиваем на протяжении всей жизни, и своей, и исторической. Мы знаем также, что только при соединении силы Божеской, силы Церкви с силой человеческой мы можем найти спасение. В Первом послании апостола Петра есть очень трудные слова: «Если праведник едва спасается, то грешный где явится?» Здесь речь идет о другой стороне спасения, о нас, о том, что мы сами должны «со страхом совершать свое спасение».

Братья и сестры, нам стоит об этом постоянно думать. Мы знаем, что спасение продолжает совершаться в Церкви, что в Церкви Господь нам дает особые дары, чтобы идти по спасительному пути. Но насколько мы с вами ценим эту возможность пребывать в Церкви, быть в ней, жить в ней? Насколько мы с вами ощущаем потребность в постоянном общении друг с другом, в любви друг к другу, в любви ко всем, не только к тем, кто нам нравится чисто субъективно, чисто душевно? Можем ли мы проявить свою любовь ко всем людям, свою общительность с каждым человеком?

«Люби человека и во грехе его», — говорил старец Зосима у Ф.М. Достоевского. Не надо любить его грехи, не надо уравнивать человека, находящегося в грехе, с человеком, который в нем не находится, но любить нужно всякого человека. Проявление этой любви будет различным. В первую очередь мы должны быть открыты к общению, к прощению, к благодарению, к тому, чтобы вся наша жизнь стала таким благодарением, прощением и благословением. Давайте об этом подумаем, братья и сестры, потому что «все мы много согрешаем», это действительно так. И каждый из нас борется с грехами, и это тоже, слава Богу, так. Только борьба наша иногда, к сожалению, ослабевает или носит некий выборочный характер.

Братья и сестры, постараемся отдать *всего* себя, *всю* нашу жизнь, все наше сердце Христу, так чтобы мы могли сказать Господу: «Мы, Господи, сделали все, что от нас зависит, мы целиком себя отдали. Если что-то не получилось, то это было сверх наших сил. Не вмени нам согрешений наших»!

А сейчас будем молиться.

13 октября. Слово на литургии после чтения Апостола (Гал 1: 11-19)

Братья и сестры, христиане! Мы с вами последователи и ученики Господа нашего Иисуса Христа, согласно Благовествованию, которое приняли всем сердцем нашим. И вот сейчас мы слышали, как апостол Павел сказал: «Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа». Мы тоже относимся к тем, о которых Господь сказал: «Блаженны невидевшие и уверовавшие».

Апостол Павел был одним из первых благовестников. Он же сам принял Евангелие, духовное Благовестие не от людей, а от Самого Господа нашего через откровение. Конечно, иногда случается так, что в наше время люди воспринимают Евангелие через людей, а не через откровение. И это совсем не то же самое, что Евангелие, принятое апостолами, самовидцами Слова. Ведь для них принятие Евангелия было откровением Самого Господа. Господь им открылся как Христос, как Мессия. Господь им открылся во всей благодати и славе Своей, во многих свидетельствах и чудесах. Но если люди принимают Евангелие как человеческое предание, тогда они иногда становятся «неумеренными ревнителями отеческих преданий», такими, каким был апостол Павел до получения откровения, до получения того Евангелия, которое заполнило его сердце раз и навсегда, на всю его жизнь.

Для нас с вами важно подумать, а не являемся ли и мы в той или иной степени «неумеренными ревнителями отеческих преданий». Иногда ведь мы сталкиваемся с этим в нашей церкви, когда человеческие предания, предания старцев люди ставят выше откровения, выше Евангелия, которое не от человеков. И если такая тенденция в Церкви усилится, если она победит, это будет представлять большую опасность, дорогие братья и сестры. Вы помните, чем это могло бы кончиться для апостола Павла: он начал гнать Церковь Божию, за что потом называл себя извергом, выкидышем, который не достоин называться учеником Христовым и уж тем более апостолом. Господь за ревность о Боге открылся апостолу Павлу, открылся и даровал ему вот это не от человеков данное Евангелие, которое он и благовествовал иудеям и эллинам, богатым и нищим, мудрым малоразумным. Дай Бог, чтобы каждый из тех, кто привержен к такому неумеренному ревнованию об отеческих преданиях, получил откровение свыше, чтобы в каждом из них родилось Евангелие не от человеков.

Нам с вами, братья и сестры, ищущим полноты предания божеского и церковного, надо помнить об этой опасности, надо помнить, что опасно стать «неумеренным ревнителем отеческих преданий», забыв или не получив Евангелие не от человеков, не получив откровения Господа Иисуса Христа.

Конечно, есть и другая крайность, когда кто-то уверен, что он получил откровение не от людей, а свыше, и начинает противопоставлять это свое откровение Церкви, свое откровение — откровению, данному и хранимому полнотой католической Церкви. Это тоже может кончиться печально — прелестью. И такая опасность существует в наше время. В некоторых людях живет недоверие к Церкви, и они начинают основываться исключительно на своем внутреннем опыте, доверять только своему сердцу и своему уму и тогда часто впадают в нечто подобное прелести.

Да сохранит нас всех Господь от этих крайностей, братья и сестры, чтобы мы с вами были истинными служителями Евангелия, данного в откровении Церкви Христовой.

Аминь.

Братья и сестры, христиане! В этом знаменитом месте из Евангелия так много сказано всего в нескольких строках, всего в нескольких словах, что это может покрыть всю нашу христианскую жизнь. Здесь есть все, что надо знать христианину о Боге во Христе и об отношении к ближнему, о человеке. Мы часто жалуемся, что выполнить сказанное Господом нам не удается, и мы очень остро чувствуем, что на самом деле по Евангелию не живем. Мы живем как угодно — иногда совсем неплохо, иногда много лучше других. Но сказать, что это лучшее приводит нас прямо к Евангелию, ко Христу, что это лучшее соответствует откровению Христову и Его учению, увы, мы почти никогда не можем.

Отчего же так происходит, братья и сестры? Мы стараемся, мы трудимся, мы желаем, мы молимся, мы причащаемся, мы учимся, научаемся и тем не менее не достигаем своей цели. Вот кто хочет достичь ее, пусть услышит нынешнее слово. Итак, во всем, «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Здесь дана «мера» для каждого человека — сильная и подвижная. Сегодня ты хочешь, чтобы с тобой поступали так-то и так-то, поступай и с другими так же. Но завтра ты увидел, что у тебя ничего не выходит, ты не можешь поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, и ты начинаешь корректировать свое отношение к себе и другим, ты начинаешь не так строго взыскивать с братьев своих, как бы желая, чтобы с тобой поступали более милосердно, более просто, более по-детски, и тогда сам начинаешь поступать с другими иначе. Хочешь «высшей меры» себе — прежде всего сам покажи пример такого своего отношения к другим. Не можешь — не претендуй, не требуй с ближних того, что сам дать не можешь. А у нас с вами, братья и сестры, часто здесь как раз все иначе. Мы по отношению к другим требуем такого, чего никогда бы не стали требовать от себя, покуда мы в здравом уме и твердой памяти.

И далее, братья и сестры, Господь призывает нас любить врагов наших, благотворить и в тайне давать, не ожидая взамен ничего. Это и есть «высшая мера»!

Вот как хотелось бы, чтобы так поступали с нами, но оказывается, что тогда нужно нам так же поступать с другими. А как мы относимся к врагам нашим? Лицемерен тот, кто считает, что нет у него врагов, — или уж это полный лентяй, ничего не делающий в этой жизни, или это человек неумный до крайностей, который не хочет разбираться в жизни. Иначе не бывает так, чтобы не было врагов, братья и сестры. У Христа было множество врагов, и у всякого христианина множество врагов, если он действительно *христианин* по меркам Божиим и Церкви. Мы часто боимся даже признаться себе в этом, настолько мы малодушны, а уж тем более не решаемся к врагам отнестись так, как нас учит Господь. Но запомним: не то страшно, что у нас враги есть, а страшно, если мы не по-христиански к ним относимся, братья и сестры. Сейчас в нашем обществе как никогда много провокаций относиться к врагам не по-христиански, и голос Патриарха, призывающего вспомнить евангельскую норму, звучит, увы, еще недостаточно громко...

Мы с вами должны помнить и о *благотворении*, о том, что мы должны давать взаймы людям, не ожидая от них для себя ничего. В Церкви реально действует глубокий и верный закон жизни: ты что-то дал, — не жди отдачи для себя никогда никакой, если человек и пообещал вернуть тебе все, и даже сторицей, — не жди. Вернет, так вернет, но лучше, если он вернет не тебе, а кому-то еще, будучи воодушевлен твоим добром, твоим благотворением, твоей благодатью. Не самая ли высшая для нас с вами, братья и сестры, награда, если мы видим, как люди, которым мы хоть немного помогли, начали помогать другим прежде, не имея на это никаких сил и возможностей? Посмотрите, ведь как часто человек, приходящий к Богу и в

Церковь, бывало настолько разрушен, почти до основания, почти до предела, что в нем и человека невозможно бывает узнать. И вот постепенно-постепенно Господь созидает Церковь Свою, восстанавливает через нас и в нас духовные, душевные и физические стены нашего Дома.

Бог изначально дает нам столько любви, столько сил, и непосредственно в молитве, и через братьев и сестер. Это становится возможным как великое чудо нашей жизни. Но мы часто привыкаем к этому и уже считаем, что так и должно быть всегда, что Бог нам должен давать, что нам должны давать и все в Церкви, лишь давать, давать, давать! И вдруг видим, что сами-то мы давать перестали, что первые порывы, первые мечты, первые надежды, первые планы, столкнувшись с трудностями этой непростой жизни, разрушаются, охлаждаются и умирают.

Братья и сестры, в Писании сказано, что мы должны держать ту любовь, которую приняли, держать дух, в котором живем, чтобы он не разрушился, чтобы он не ушел, не охладел, не умер. Вот к этому и призывает нас Господь. Он призывает нас во всем и всегда быть сынами Всевышнего, «ибо Он благ и к неблагодарным и злым».

Итак, будем же и мы милосердны, как милосерден Отец наш Небесный!

Аминь.

Покров Пресвятой Богородицы. вечерне после паримий

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сегодня мы с вами начинаем празднование в честь Божьей Матери. Это один из центральных богородичных праздников, которые существуют в нашей современной церковной жизни. Вы знаете, что древняя Церковь совершала празднования в честь Божьей Матери в связи с тем или иным событием в жизни Христа и в первую очередь в связи с Рождеством Христовым, а также в связи с воспоминанием тех событий в жизни Христа, которые даны нам в Священном писании. Позже, начиная с эпохи Третьего Вселенского собора 431 г., Церковь начинает раскрывать в себе Образ Божьей Матери особо. Возникает некая мистика Покрова Божьей Матери. Этому способствовало и событие, связанное со спасением Константинополя.

Это событие и легло в основу нынешнего праздника. Константинополь, царствующий град вселенной, царствующий град экумены, как называла себя в то время Византийская (Восточная Римская) православная империя, был спасен благодаря видениям, явленным святым Божиим, — Покровом Богородицы. Это событие, произошедшее в середине IX в., отраженное в летописях, известное историкам, известное людям, занимающимся изучением наследия великих деятелей того времени, в частности, наследия патриарха Константинопольского Фотия, который написал два Слова в честь этого события, становится столь чтимым на Руси. Русь, которая в то время чуть ли не сама участвовала в событиях с противной Богу стороны, вдруг становится чуткой к этому Покрову Божьей Матери. И вот уже святой князь Андрей Боголюбский начинает утверждать на Владимирской земле этот праздник как праздник особого значения для нашей Церкви. Так этот праздник достиг высокого ранга, вы знаете, что он входит в число великих церковных праздников.

В чем же смысл этого праздника, дорогие братья и сестры? Сейчас мы с вами слышали паримии, хорошо вам известные отрывки из Ветхого завета, в которых прообразовательно говорится о служении Матери Божьей. И сегодня особым образом надо сказать о том, что прямо в Писании не сказано, но что следует из того, что сказано.

Мы с вами знаем, как сближены для христианина, каждого церковно живущего человека, образ Матери Божьей и образ самой Церкви. Мы не однажды уже говорили об этом. И я уже приводил соображение, которое лежит в основе сближения этих образов: Телом Христовым является Церковь, и тело Христово было дано Матерью Божией Ее Сыну.

Мы с вами знаем, что Тело Христово — это мир Божий, Тело Христово — все то в этом мире, что сохранило свою изначальную и прочную связь с Богом, своим Творцом. И вот, братья и сестры, все что от Бога и с Богом собирается в этом мире, в этом Теле, это все, видимое и невидимое, небесное и земное входит в него. Это Тело одухотворено и одушевлено, оно живет, оно спасительно. Войти в это Тело, познать его, приобщиться ему — значит обрести спасение. Не случайно в древности христиане говорили: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец».

Но ведь то же самое, братья и сестры, мы думаем и о Покрове Божьей Матери. То же самое содержится в прославлении Церковью этого великого, чудного, сиятельного, спасительного Покрова, распростертого над Божьей Вселенной, над миром Божиим.

Где благодать, там и Церковь, где благодать, там и Покров Божьей Матери. Не может быть такого, чтобы что-то благодатное, истинное, праведное осталось вне Христа, вне Бога. Ведь мы знаем также, что всякое благое даяние, всякий священный дар сходит свыше, от Отца светов. Поэтому будем искать этот Покров, Покров Божьей Матери, как будем искать и Божию Церковь. Будем, братья и сестры, чувствовать этот Дух, который вселяется в сердце каждого, кто живет высшей жизнью, жизнью не умирающей. За это мы и прославляем ныне Матерь Божию и Покров Ее.

Аминь.

* * *

Сегодня, братья и сестры, мы рады приветствовать клирика симферопольского собора иеромонаха Иоанна, который с нами молился в этом замечательном храме, который вместе с нами радовался возрождению нашего храма. И я надеюсь, что Господь ему даст вдохновение и он скажет нам несколько слов.

Слово иеромонаха Иоанна

Ваше преподобие! Дорогие братья и сестры! Совсем немного времени разделяет нас с о. Георгием с того момента, когда мы познакомились на древней Таврической земле, откуда пришло христианство и рассеялось по Руси. Я прибыл сюда по просьбе владыки Василия, Симферопольского и Крымского, по делам епархии. Он сказал мне: «Отец Иоанн, если Вам выпадет возможность встретиться с о. Георгием, передайте нижайший поклон ему и его пастве, архиерейское благословение через ваши священнические руки».

Я в первый раз вошел в этот собор и был очарован, очарован до такой степени, что нет слов, нет выражений, чтобы передать мое состояние, в котором я нахожусь до этой минуты. Во-первых, меня поразили прекрасные фрески, прекрасные по своему содержанию. Наверное, их осталось очень мало. Они сходны с росписью храма «Трех всадников». Недавно я посетил место, где в ранний христианский период был город Мангуп, столица княжества Феодоро. Он находится тоже на территории Крыма. Это место называется Эски-Кермен, что в переводе с татарского означает «старое городище, старый город». Роспись этого намоленного и древнего храма датируется XII в. И вот, есть нечто схожее между тем и этим храмами. Сходно не только

художественное оформление, а сходен дух молитвенный, который пребывает в доме Божьем. Господь сказал: «Дом Мой домом молитвы наречется». И действительно, 70 лет раздоров, распрей, разрухи и духовной нищеты уничтожали культуру и памятники, но там, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

И действительно, мы собираемся в скромном помещении, но ничто не украшает так, как украшает молитвенное состояние нашей души. И вот лепота, красота, которая пребывает в вас, в вашей душе, в вашем сердце, облагораживает и этот древний храм, который ныне в плачевном состоянии. Государство не хотело помогать, не хотело восстанавливать, и вот, это бремя снова легло на церковь, которая строила эти храмы, проводила в них богослужения и которая ныне восстанавливает то, что ранее принадлежало ей и народу.

Я хотел бы еще сказать вам: любите своего священника, потому что таких священников очень мало. Батюшка и образован, и достаточно молитвенен, чтобы вести по стезе спасительности вас, христиан, тех людей, которые выбирают путь служения Церкви, приобщаются к церковности, которые будут креститься или уже крещены, которые за имя Господне с крестным знаменем на своей груди готовы пойти и в ад, и в воду, готовы пройти и медные трубы, и при этом остаться христианами без гордыни, без порока. И Господь скажет вам: «Придите ко Мне, возлюбленные, наследуйте Царство Небесное, уготованное вам от сложения мира».

Аминь.

14 октября. Слово на утрени после Евангелия (Лк 1: 39-49, 56)

Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали, как произошла встреча Марии и Елисаветы, Матери Господа и матери Иоанна Предтечи. Здесь, в этих словах, нам тоже начинает приоткрываться тайна Покрова Пресвятой Богородицы. Смотрите, как произошла эта встреча: Елисавета только услышала приветствие Марии, как сразу «взыграл младенец во чреве ее», и Елисавета «исполнилась Святого Духа» и стала благословлять Бога и Ее, благословляя Плод чрева Ее.

Братья и сестры, это как раз то, что мы почитаем на праздник Покрова Божьей Матери, когда происходит как бы и наша встреча с Ней, когда и мы тоже исполняем Духом Святым и сердце наше благословляет Божью Матерь и Плод Ее чрева. Это действительно встреча в общении Духа со Христом и Матерью Божией в Церкви Христовой, встреча, которая для нас духоносна, которая для нас радостна, которая для нас мирна. В этой встрече есть тоже суть сегодняшнего праздника.

Нам с вами нужно постоянно иметь такой мир, такую радость, нам нужно всегда чувствовать, что сердце наше благословляет Бога, благословляет Плод чрева Божьей Матери, Ее Саму и Ее Покров. И сегодня, в этот радостный, чудесный день Покрова Пресвятой Богородицы, мы с вами, конечно, исполняем этой радостью, и дай Бог, чтобы эта радость ни у кого не прошла, а у кого ее мало, чтобы она умножилась.

Пришествие Божьей Матери покрывает нас чудным Покровом, а это значит, что если мы с вами становимся такими членами Церкви, которые радуются друг другу, которые с верой, надеждой и любовью открывают свои сердца друг другу, то Божья Матерь коснулась нашего сердца и Сам Господь воцарился в нем.

Будем, братья и сестры, молить Господа, чтобы с нами неотступно пребывал Покров Пресвятой Богородицы, чтобы наша жизнь в Церкви была не формальной, не внешней только, но чтобы она была утверждена в этом глубоком, полном и ясном свете Покрова!

Аминь.

18 октября. Память святителей Московских. Слово на утрене

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами чтим память Всероссийских святителей. Было время, когда наша Церковь почитала только трех святителей — Петра, Алексия и Иону, подобно тому как Византия гордилась своими тремя святителями — Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Но жизнь шла вперед, и святителей Московских становилось больше. Сначала четыре, потом пять, сейчас их еще больше. Так вы знаете, что прославлен великий святитель Московский патриарх Тихон. Сегодня же мы празднуем память тех, которые особо выделены в этой чреде московских святителей, — память Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена.

Празднование в честь Всероссийских святителей было установлено в этот день еще Патриархом Иоакимом. Посмотрите, вот в алтаре и перед алтарем нашего храма вы видите фрески, на которых изображены все патриархи Московские. Эти святители могут быть не канонизированы, но они изображены с нимбами. Мы помним историческую роль каждого святителя нашей церкви. Каждый из них, бесспорно, что-то внес в нашу историю, но не было таких среди них, которые бы жили и что-то делали во славу свою или во имя свое, и при этом почитались народом. Можно было даже как здесь изобразить на стенах храма с нимбами всех подряд, но народ ведь помнит свою историю, а Церковь помнит, выделяет и молится не всем из них, братья и сестры...

Видите, наш храм и в этом смысле совершенно уникален, наш храм и в этом плане не похож ни на один храм по всей нашей земле. Это и понятно, ведь он, как никакой другой, кроме Успенского собора в Кремле, связан с образом Божьей Матери — с Владимирской иконой Божьей Матери, Которая стала покровительницей нашего града, царствующего града, а также наших правителей, как светских, так и духовных. Поговорим же сейчас о тех, кого Церковь и народ бесспорно поминают вместе.

Сперва я в двух словах напомним некоторые детали из жития этих святителей московских для того, чтобы вам показать, как достойно своего христианского звания служили они нашему отечеству, нашему народу, нашему обществу. Первый из них — святитель Петр. Именно он, будучи Митрополитом Киевским и всея Руси, перенес столицу митрополии в Москву. Именно он заложил основание для ее авторитета. Не будь этого шага, Москва, может быть, никогда не стала бы государственным центром, и совсем по-другому развивалась бы наша с вами история. Невозможно представить — как, но совершенно точно можно сказать, что по-другому. Этот шаг святителя был судьбоносным. Ведь Москва потом объединила на Руси всех, и неизвестно, были ли еще какие-то иные силы для того, чтобы это сделать. Став именно церковным центром, Москва приобрела основания для политического объединения Руси. Святитель Петр благословил и строительство в Москве Успенского кафедрального собора.

Святитель Петр жил в самом начале XIV в., а святитель Алексий — это уже его середина. Алексий был регентом малолетнего великого князя Дмитрия Донского, фактической главы государства в смутное время рабства. Рабства, в первую очередь духовного, а потом уже всякого другого ига, когда народ почти был готов уже добровольно встать на колени духовно,

не будучи способным воззреть на небо. Святитель Алексей делал очень много для водворения и укрепления мира на нашей земле. Он поддерживал преподобного Сергия Радонежского, и конечно, духовно подготавливал победу во времена правления Дмитрия Донского. Митрополит Алексей основывал монастыри, ставшие потом духовным и военно-политическим оплотом столицы, нашей гордостью: это Чудов монастырь в Кремле, монастыри Андрониковский, Спасский. Хотя теперь все это либо уничтожено, либо находится в разорении, для нас с вами это все равно очень значительные духовные центры России. Так, например, Андрониковский монастырь, мы с вами это помним, более всего в Москве связан с именем прп. Андрея Рублева.

Далее, святитель Иона. Это первая половина и середина XV в. При нем наша Церковь становится самостоятельной, автокефальной. Он — первый на Руси митрополит, избранный собором русских епископов без утверждения Константинопольским патриархом.

Святитель Филипп — это уже середина XVI в., времена Ивана Грозного. Он был задушен Малютой Скуратовым за то, что обличал царя. Да какого царя! Мы никогда не должны об этом забывать. Нас иногда обвиняют наши враги, говоря: «Вы — рабы и всегда были рабами», и часто пытаются так же воспитывать современных людей. Мол, что есть в вашем народе? Ничего никогда в нем не было и нет, кроме страшного рабства. Но это, братья и сестры, клевета и неправда. В нее могут поверить только люди, абсолютно невежественные или тенденциозно смотрящие на историю, слишком тенденциозно. Не забудем же, что митрополит Филипп обличал царя и делал это с честью. Он не винился, хотя знал, чем это может кончиться для него. И он был смещен государем, а потом по повелению государя мученически и погиб.

Святитель Ермоген тоже погиб, но погиб от голода в заключении при польско-литовском нашествии. Это тоже было в смутное время нашей истории. Патриарх Ермоген рассылал письма по всей стране, призывая собирать ополчение против врагов народа. Он добился своего, но заплатил за это жизнью, братья и сестры. Все ли из вас знают об этом? Я ведь говорю только о самом главном, но в каждой из этих историй очень много интереснейших подробностей. И каждый из вас может и должен познакомиться с ними. Святитель Ермоген — также слава нашего отечества.

Не менее великим, как вы знаете, был и святитель Тихон. Он тоже погибает, но уже при советской власти. Сколько клеветы было обрушено на этого чистейшего, честнейшего и добрейшего человека, который посмел иметь свое мнение и выражать его вслух в дни жесточайшего террора, которого еще не знала наша страна! Кем только не называли его не только при жизни, но и посмертно! Но этот человек действительно отдал свою жизнь для того, чтобы Церковь могла существовать. Хотя надо заметить, что тут пришлось и ему идти на некоторые компромиссы. Патриарх Тихон видел силу надвигающегося зла и понимал, что нельзя не пойти на эти компромиссы. Сейчас так много разговоров о действиях патриарха Сергия. Но мы с вами знаем, что патриарх Сергей почти ничего не внес сам от себя, он только повторил сказанное патриархом Тихоном. Да, это был компромисс, но компромисс вынужденный, когда по независящим от патриарха Тихона или митрополита Сергия причинам приходилось выбирать из двух зол меньшее.

Вот, братья и сестры, какой у нас с вами сегодня памятный день. Но еще хочу обратить ваше внимание на икону Божьей Матери Умиление. Владимирская икона Божьей Матери не однажды спасала Русь, не один, не два и не три раза. Божья Мать — прямая спасительница нашего народа и нашего храма. Вот и об этом давайте не будем забывать.

Мы слишком долго воспитывались не в очень христианской атмосфере, нам постоянно говорили, что церковь, общество и государство, а под государством подразумевали все общество, разделены. Так пусть церковь занимается своими делами, кадит и кропит, в крайнем

случае может покрестить, повенчать, отпеть — и все, ну может еще выступить на какой-нибудь политической конференции по подсказке, по шпаргалке, подготовленной другими. Вот и все, что отдавали церкви. Сейчас же — немножко больше: коли мы опозорились, храмы стоят разрушенные, давайте отдадим их церкви, сами ведь сделать ничего не можем; коли мы опозорились и со всякого рода милосердием на весь мир, не можем помочь ни больным, ни старикам, ни детям — ничем никому вообще-то, пусть и занимается всем этим церковь. Да, церковь должна это делать, это — ее внутренняя потребность, но в ту меру, в какую у нее есть на это силы. А когда о церкви говорят, что она должна заниматься еще чем-то новым, другим, что она должна делать еще нечто и в обществе, и у себя внутри, то тут часто начинается недопонимание.

Братья и сестры, памятуя о великих святителях московских, подумаем, как и нам с вами служить отечеству небесному и отечеству земному. Может быть, в отдельности нам трудно сделать здесь что-либо реальное, но вместе, коли Господь дал нам тут жить и служить, мы кое-что можем, и наш голос может быть услышан. Повторяю, это так, если мы будем вместе, если мы не будем раздираемы противоречиями, грехами, страстями, сомнениями, эгоизмом, корыстью. Если мы будем подражать вере святых, как сказано в Писании: «Взирая на кончину жизни их, подражайте вере их», если мы будем служить Богу и ближнему, то Господь примет всякую нашу молитву. А не будем — не примет. Мы только зря время потеряем, да еще осуждение себе заработаем.

Богу угодить не просто, братья и сестры. Не потому, что Бог сложен, Бог абсолютно прост, а потому, что мы еще очень сложны, как бы «сложены» из разных частей, не очень-то подогнанных друг к другу. Вот эта наша сложность, наша сложенность и не позволяет иногда нам жить в полноте духа, в том единстве духа, которое может и горы переставлять. Это было возможно для великих московских святителей и пусть они нам будут всегда примером в этом.

Аминь.

Слово после утрени

Дорогие братья и сестры! Мы с вами сегодня слышали некоторое напоминание жития святителей Московских. Действительно, они вошли в двери, которые есть Сам Христос, вошли и вышли, и нашли великую пажить. Они сохранили свое стадо, они не дали волкам расхитить это стадо — никакие ереси, никакие расколы не повреждали стадо Христово. Они не были наемниками, они действительно знали голос Христов и шли за Ним, и учили тому же своих овец.

И нам невозможно подчиняться лишь одним внешним авторитетам, дорогие братья и сестры. Каждому из нас надо знать голос Христа, надо знать, за Кем нам следовать, за Кем мы следуем и в Кого мы верим. Конечно, нам для этого нужны такие пастыри, которые вошли дверью Христовой вглубь, внутрь Церкви, Тела Христова, которые готовы нас призвать и повести. Истинный пастырь готов положить всю жизнь свою за это, но и мы тоже должны быть готовы положить свою жизнь за людей. Примером для нас в Церкви всегда будут святители, о которых мы говорили и память которых мы сегодня празднуем.

Аминь.

[1] Начало годового цикла проповедей о. Георгия см. в журнале «Православная община», № 3 за 1992 г.

: Мой путь к Богу и в церковь

Свидетельства

Р. Ш. Я РОДИЛСЯ в семье атеистов, но с терпимым отношением к религии, так как старшее поколение, бабушки и дедушка, были в свое время крещены и как люди верующие, естественно, крестили детей (отца), мать не крещена. Бабушка по линии отца посещала церковь всю жизнь и была похоронена с соблюдением всех обрядов. В моем представлении храм Божий был всегда какой-то частью русской истории, культуры, искусства. В 1954 г. пришло увлечение русским ренессансом начала XX века, т. е. серебряным веком – А. Блок, Ф. Сологуб, А. Белый, И. Анненский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, а также духовным пением, иконами, архитектурой, живописью. В это время все остальное становится для меня внешним оформлением, необходимым только для профессиональной деятельности. Сильнейшее впечатление оказала на меня живопись Нестерова, Врубеля. Последовала пора скитаний по историческим местам России: монастырям, скитам. Я удивительно хорошо себя чувствовал в храмах на службах, начиная с 1957–1958 гг. Все это создавало необычайное состояние духовного подъема и умственных способностей. На этот период приходится знакомство с незаурядными людьми, чьи духовность и интеллект поражали меня. Любыми средствами я вырывался из действительности и погружался в духовный слой «серебряного века». Как теперь понимаю, я был очень близок к путям в церковь и к Богу. Это дало мне силы впоследствии выходить из самых непривлекательных ситуаций действительности без искажений и деформаций самого себя. Я считал себя членом духовной общины всего человечества и православным в частности, но без каких-то обязательств и соблюдения определенных догматических правил, т. е. вольнослушателем, вечным студентом Петей Трофимовым. Последовало увлечение восточной мудростью (йогой) и серьезное занятие ею, вплоть до медитации. Было такое впечатление, что что-то уводит меня от крещения. Как только я собирался креститься, незамедлительно следовало новое увлечение или появлялись внешние причины, вплоть до болезни, до ужасного самочувствия. Все это происходило до февраля 1993 г. От знакомых я узнал о Сретенском братстве и об Огласительном училище, куда я без колебаний обратился. Длительное время во многом я считал себя недостойным к принятию святого Крещения. Оглашение – это настоящий путь к Богу и в Церковь. Жаль только, что на моем пути раньше не встретились настоящие духовные пастыри, которые помогли бы проделать все то, на что ушли долгие годы исканий, приобретения духовного опыта, знаний. Время свободного сосуществования с Церковью само собой кончилось для меня. Душа начинает трудиться. **К. И.** Думаю, что это началось, когда я училась на втором курсе института, т. е. 9 лет назад. Правда, к этой мысли я пришла не так давно. Тогда жизнь дала первый урок моей гордыне. Я привыкла все делать сама и добиваться всего сама. И, надо сказать, весьма преуспевала в этом. Иногда казалось, что при желании горы могу свернуть. И вообще все эти расхожие фразы типа «Человек – кузнец своего счастья» или «Один в поле – не воин», не были для меня пустым звуком. Воин, если это Чацкий. Я так жила. Я была уверена в себе, без наглости, без нахрапа, но очень уверена в себе. В одночасье все оборвалось: я заболела. И вдруг осознала, что существует нечто, что невозможно пробить головой. Сначала были слезы, и ярость от того, что не все зависит от меня и что я не властна над ситуацией. А потом пришли размышления: «А куда ли я иду? И почему, собственно, я заболела? А может быть, это возможность остановиться и найти совсем другой путь?» Год тому назад я нашла в Библии образ для себя – смоковница, не приносящая плодов. Садовник хотел ее срубить, но в надежде, что она начнет плодоносить, оставил до следующей весны. Вот и меня так оставили в

надежде...Я стала терпимей, но не стала менее упрямой. Первый урок был, пожалуй, самым сильным, но не самым плодотворным. Требовалось закрепление. И оно последовало. Однажды мама сказала: «Мне стали сниться о тебе плохие сны. Давай я окрещу тебя, мне тревожно». Я, честно говоря, слегка ошалела, ибо именно в ту пору со мной могли произойти не самые хорошие метаморфозы. И мама это почувствовала. Мне было тогда 25 лет. До сего момента я, как могла, сопротивлялась. Не то, что была неверующей, а просто упрямой. Но тут я сдала позиции, потому что самой стало жутко. Меня крестили, но без причастия, потому что «на зло врагам» я пошла в церковь, плотно покушав. Результат не замедлил сказаться. Меня лихорадило почти год. Но я же сильная! Выдюжила. Именно тогда я стала молиться. И приняла причастие ровно через год. Помню, как было трудно выговорить все на исповеди и как стало легко потом, после причастия. Было ощущение, будто внутри вымыли, вычистили, проветрили, покрыли белой скатертью и выпустили в свет. Прошлое разрешалось само собой, как только я делала шаг навстречу свету. Попадая в трудные ситуации, я видела, чем все может кончиться, но выйти из них не могла и проживала целиком этот отрезок жизни, внутренне как бы подталкивая события к развязке. И в самом конце с огромными душевными усилиями (или духовными – не знаю) отрывалась от того, что было. Я не щадила ни себя, ни своих близких, ни людей, с которыми тогда была связана. Вообще-то, думается мне, я никогда никого не любила – не в смысле какой-то плотской любви, а в смысле душевной открытости. Понимала? Да. Но не принимала. Всегда – позиция стороннего наблюдателя, даже в отношении себя: живу и наблюдаю. И, может быть, от моей нелюбви и было все так болезненно, потому что меня-то как раз любили. Надо сказать, что я всегда жила в атмосфере любви и внимания. Она была для меня как воздух. Но только я сама ничего не делала, чтобы меня любили (или мне кажется, что не делала). Точно так же и во время оглашения уже после нескольких встреч я стала замечать, что люди в моей группе, совершенно мне чужие, проявляют ко мне теплоту и даже нежность, что меня обескураживает, потому что я знаю – это незаслуженное. Мне объясняют, что любят не за что-то, а вопреки и во имя... А мне больно, потому что я не умею так...Я постоянно «расковыриваю» себя изнутри, и когда начинает кровоточить, чувствую, что постигаю какую-то истину. Но становится нестерпимо, и тогда думаю, что я ненормальная, и что надо просто жить, спокойно и мирно, что все – бред. А мне объясняют, что это чистой воды «экзистенциализм». И я успокаиваюсь. На время, до следующих «расковыриваний». Я благодарна судьбе или Богу за то, что со мной было. Я знаю, как бывает больно и радостно, темно и светло, чисто и мерзко, тепло и холодно одновременно. Я знаю, что люди ждут любви, как подарка, что все за этим пришли в церковь. Но от неумения любить и принимать любовь – мучаются. Вот и я учусь любить и верить. Я начинаю свое восхождение.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум): Фрагменты из выступлений на радиостанции Би-Би-Си

Церковная жизнь

Я только что прослушал отчет о конференции, которая проходила под названием «Единство Церкви» в Свято-Даниловском монастыре, и остался под очень тяжелым впечатлением от того, что я слышал. Меня поразило количество докладов обскурантистского типа, такое желание вернуться назад – не к древности, которая была и светла и полна дерзновения и глубокого переживания, а к сужению православного горизонта под предлогом, что мы должны «держаться традиции». Причем традиция понимается не так, как ее понимали в древности святые отцы, – как живая память Церкви, которая передается из поколения в поколение и на

которой строится новое богатое мышление и отклик на бесконечно меняющуюся обстановку мира и на все углубляющееся наше понимание действия Божия в мире. Предлагалось понимание традиции, предания как возвращения к чему-то прошлому, окаменелому, остывшему. Мне кажется, что предание надо понимать так, как понимает человек свое прошлое. Наше настоящее содержит в себе все наше прошлое, но никто из нас разумно не станет говорить, что принимая теперь решения по поводу нашей жизни, мы должны их принимать так, как мы их принимали бы, когда нам было пять, или двенадцать, или двадцать пять лет. На основании все обогащающегося опыта мы видим вещи по-новому, с новой глубиной, на основании Священного Писания, развивая в себе то, что апостол Павел называет «умом Христовым» (который только и может быть умом Церкви, другого ума у Церкви не может быть). Только тогда мы можем произносить суждения. 27 ноября 1994г. * * * Некоторые участники этой конференции призывали остерегаться всего нового в церковной жизни, в том числе – «тлетворного влияния» (по их словам) западного христианства. Между тем, всем известно, что на Западе, в частности, в Великобритании, живет и развивается, помимо других, и Православная церковь. В лондонском Успенском соборе **о. Сергей Гаккель** попросил председателя Русской православной церкви в Великобритании **митрополита Сурожского Антония**, высказаться о своем опыте именно западного православия. **Митрополит Антоний:** Мне сейчас больше 80-и лет. Я воспитан людьми, которые сами воспитывались в дореволюционной России. Они были укоренены в традиционном русском православии, но, пройдя через трагедию – личную и народную трагедию русской революции и эмиграции – осознали вещи совершенно по-новому. Не в том смысле, что они «новое богословие» выработали, они увидели жизнь, которая у них отняла иллюзии и оставила только то, что неизбежно, – то Православие, которое является евангельской истиной, умом Христовым, действием Святого Духа, правдой, которую ничто не может размыть. **Отец Сергей:** Так что это и есть самое коренное, основное и русское Православие? **Митр. Антоний:** Это коренное русское Православие, и это Православие мы продолжаем здесь проповедовать. Только мы его проповедуем людям иной культуры, к кому надо обращаться на их языке и у кого, с другой стороны, нет тех культурных основ, которые были у нас в России и остались, скажем, в моем поколении и даже в твоём. Обращаясь к людям, у которых этих основ нет, но есть иные основы, к людям, которые изнутри тысячелетнего опыта ставят вопросы не так, как мы их поставили бы, мы должны отвечать им на их уровне, на их языке, не поступаясь ни в чем истиной, но и не повторяя фразы для них непонятные, потому что они выросли из тысячелетней культуры православного Востока. В России сейчас как бы «расправляются» с инакомыслящими. Вот этот съезд, конференция, которая недавно собралась в Даниловом монастыре, мне кажется жутким примером того, как не должна действовать церковь, как вообще ни один человек не должен действовать по отношению к другому человеку... Ни церковь, ни отдельный человек никогда не должны прибегать к «расправе». Инакомыслящий – человек, которого Христос пришел спасать и вести в полноту истины. И мы никакого вопроса не решаем, когда человека отвергаем или проклинаяем, или, если он священник, лишаем сана или запрещаем. Мы должны к нему подойти и глубоко вдуматься в то, что с ним происходит, какие движения души, какой опыт лежит в основе того, что он говорит. Мне кажется, что очень важно не спешить произносить суд над людьми инакомыслящими, а наоборот, долгое время вести с ними диалог, раньше всего ради того, чтобы их понять, а затем сделать для них возможным понимание того, что нам кажется истиной. И в этом процессе большей частью обе стороны взаимно друг друга обогащают, и из частичных истин, частичного восприятия и понимания вырастает углубленное и более светлое понимание, более соответствующее тому, что «Дух Святой говорит церквям». **О. Сергей:** Владыко, в деяниях этого съезда, о которых ты слышал, какие тебе видятся две главные стороны? **Митр. Антоний:** Мне кажется, две стороны здесь таковы. С одной стороны, люди, которые хотят непременно держаться того, что они называют истинным, подлинным православным преданием, но что в действительности не обязательно является таковым, что может быть просто пережитком прошлого или повторением фраз или формулировок,

потерявших жизненную силу. А с другой стороны – люди, которые не могут жить этим повторением, перед которыми жизнь поставила такие вопросы, какие не разрешаются просто цитатами. И они ищут какого-то способа выразить себя в терминах православного мышления и найти в православном мышлении ответы на вопросы, вставшие в такой форме, в какой они родились в их душах или в их опыте, – ответы, которые еще не были выражены...**О. Сергей:** И которые тем самым никоим образом не отходят от Православия?**Митр. Антоний:** Нет, которые не обязательно отходят от Православия, которые являются, может быть, более евангельскими ответами, чем прописное православие, какое мы можем найти в учебниках.**О. Сергей:** Владыко, как я понимаю, есть возможность, что решения этого съезда будут поднесены на Архиерейский собор для обсуждения и, как мне кажется, с надеждой, что Архиерейский собор примет решение о лишении сана двух священников – о. Александра Борисова и о. Георгия Кочеткова. Как бы ты реагировал, если вопрос был бы поднят так в твоём присутствии на Архиерейском соборе?**Митр. Антоний:** Отрицательно! Я считаю, что это было бы очень горестным поступком. Ведь диалога между этими двумя священниками и думающими богословами еще не было. Иногда приходится много лет с человеком вместе обсуждать вопросы, думать вместе, раньше, чем поймешь, что он думает и из какого опыта исходят иногда даже неверные высказывания. А лишение человека сана – это окончательный поступок. Вернуть к сану нельзя. Вернее, можно было бы это сделать, если бы у архиерея или у собора нашлось мужество сказать: мы поступили неправо, мы согрешили против человека, согрешили против истины и мы отрекаемся от своего поступка и каемся в нем... Но это очень редко бывает, к сожалению. 4 декабря 1994г

Священник Георгий Кочетков: Тезисы о самых неотложных пастырских нуждах нашей церкви

Церковная жизнь

(ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И РЕФОРМАХ В НЕЙ) Настоящие тезисы были подготовлены для выступления на конференции, но по ряду причин прозвучало выступление, публикуемое ниже. Сначала необходимо сказать несколько слов об основных понятиях. "Христос - всегда и вовеки Тот же", говорит нам Писание. Но подобно тому, как Его "Отец доньше делает" (творит), так и "Он делает". Об этом "делании" Отца еще в Ветхом завете было сказано: "Ты обновляешь лицо земли". А в Новом завете оно осознается через действие Духа Святого в контексте Пятидесятницы (см. тропарь 3-го часа). Пятидесятница же - день рождения Церкви. В сознании христиан Церковь всегда ассоциировалась с продолжением Боговоплощения. Она сама - живое "Тело Христа". Эта жизнь, в Духе Святом, проявляется в постоянном ее обновлении. Об этом писал апостол Павел, особенно в Послании к римлянам (см. 7: 6, 12: 2, 6: 4). Говорили об этом и святые отцы: "Церковь всегда обновляется", т. е. реформируется, "Ecclesia semper reformanda" (лат.) - по словам св. Киприана Карфагенского, которые повторил св. Иоанн Златоуст). Если Церковь не обновляется, не реформируется, то Она уже не есть живое Тело. Если в церковной жизни нет места творчеству, это означает, что из нее ушел Богочеловеческий дух, тот дух, о котором один из лучших православных мыслителей сказал: "Дух есть творческая активность. Всякий акт духа есть творческий акт. Но творческий акт субъективного духа есть выход из себя в мир. Во всяком творческом акте привносится элемент свободы, элемент, не определяемый миром. Творческий акт человека, всегда исходящий из духа, а не от природы, предполагает материал мира, предполагает множественный человеческий мир. Он исходит из духа мира и вносит в мир новое, небывшее"

(Н. А. Бердяев "Смысл творчества"). Но то же действие Духа Святого в Церкви, ведущее ее по пути постоянного обновления, называется церковным Преданием, или традицией (1гасШю - лат.). Предание Церкви - это ее духовный опыт, который не должен быть забыт или умален. В нем - все наше Богопознание, весь церковный гносис. Но не забудем, что он, как "творческий акт духа, имеет две стороны: восхождѐние и нисхождѐние. Дух в творческом порыве и взлете возвышается над миром и побеждает мир, но он также нисходит в мир, притягивается миром вниз, и в произведениях (продуктах) своих соотнобразует с состоянием мира" (там же). Поэтому полноте церковного Богопознания соответствует полнота церковного Божественного Откровения, полноте церковного Священного Предания - полнота церковного Священного Писания, полноте действия Св. Духа в Церкви - полнота действия божественного Логоса, Божьего Слова, полноте церковного гносиса - полнота церковного профетизма. Именно поэтому мы, начиная с катехизиса, неизменно утверждаем их единство. Единая Традиция Церкви выражается во множестве церковных традиций, но заметим, что никогда эти традиции в своей совокупности не бывают тождественны Единой Традиции, полноте Священного Предания Церкви. То же можно сказать об обновлении, о реформе Церкви, полнота которой никогда не бывает тождественна сумме конкретных церковных актов обновления, конкретных реформ в Церкви. Как сохранение полноты церковного Предания, так и всякое обновление и реформа в Церкви требует синергии, т. е. глубинного сочетания и единения божественной и человеческой силы, богочеловеческого действия. В них всегда есть и должен быть элемент Божьего дара, дара благодати и, с другой стороны, человеческой силы, заботы, ответственности. Но, как известно, где нет рамок, там нет и ответственности. Это следует помнить каждому человеку, желающему исполнить слова апостола Павла: "Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим" (2 Фес 2: 15). Как антиномична сама синергия в Церкви, так же антиномичны в ней эти дар и ответственность, свобода духа и человеческие рамки. Но одно без другого не существует. Здесь уместно и своевременно вспомнить и некоторые примеры нарушения этого принципа. Легко злоупотребить в церкви как свободой, вырождающейся в таком случае в произвол и хаос, так и порядком, чином, правилом, каноном, формулой таинства и догмата или еще какой бы то ни было ограничительной и охранительной рамкой, некогда сложившейся в Церкви благодаря усилиям входящих в нее людей, но легко вырождающейся в тот же произвол и хаос, в фарисейство и законничество, стоящие ниже ветхозаветного уровня закона. С одной стороны, мы видим различные оттенки псевдохаризматизма, начиная с древнего монтанизма и кончая современным "младостарчеством", кликушеством и "ферапонтовщиной". С другой стороны, сталкиваемся со всякого рода папистскими и цезарепапистскими тенденциями в нашей церкви, которые могут затрагивать не только императоров, патриархов или иных епископов, но и священников, монахов и мирян. Здесь же коренится главная причина подавления "нестяжателей", неудачи реформы патриарх Никона и "страха ради иудейска" мертвящие окрики, донныне исходящие от церковного начальства даже на уровне малых приходов и монастырей. Тем же произволом и хаосом, псевдохаризматизмом и агрессивным фарисейством отличается исток всякого сектантства, будь то сектантство старообрядствующее или обновленческое. Давно должно быть уже ясно, что Церкви нужны порядок, чин и обряд без "старообрядствования", как и обновление без его темного двойника обновленчества, т. е. без безответственности в руководстве и предательства своих же братьев и сестер ради достижения лишь собственных целей. В заключение первой части надо сделать еще одно замечание. Обновление в Духе Святом не может быть односторонним. Оно касается как всего мистического, поныне творимого и творящего мира Божьего, т. е. Церкви с большой буквы, так и церкви с малой буквы, как каноническо-сакраментальной институции. Оно осуществляется в последней также не однонаправленно, но всегда одновременно как "сверху", исходя от иерархической церковной структуры, так и "снизу", от народа церковного, в соответствии с его верой и по его просьбе. Итак, церковь живет действием Святого Духа и потому живет своим апостольским и святоотеческим преданием. Традиция и традиции Церкви сохраняются и

продолжаются, но их никому не позволено нарушать. Но будучи живыми, они несут творческий характер, хотя и вынужденно должны применяться к данным обстоятельствам места и времени. О творческом характере церковной традиции прекрасно сказал в "Путиях русского богословия" о. Георгий Флоровский: "... неистощима сила отеческого предания в богословии всего более определяется тем, что для святых отцов богословие было делом жизни, духовным подвигом, исповеданием веры, творческим разрешением жизненных задач". Исходя из всего сказанного нельзя не признать, что все церковные реформы должны быть традиционными, а церковные традиции должны быть обновляющими и обновляющимися, что суть церковного Предания (Традиции) есть обновление (реформа) Церкви по действию Святого Духа. О конкретных формах или способах реализации этой задачи должна думать и выносить решение сама Церковь посредством своего соборного разума во всей его широте, глубине и высоте (это не значит, что во всех конкретных случаях обязательно - решением Вселенского или Поместного собора, Синода или Патриарха). Но любое решение Церкви должно рождаться, исходя из полноты опыта евхаристического собрания Церкви в единстве со своим епископом. Теперь перейдем к самым неотложным пастырским нуждам нашей церкви. Не имея возможности здесь все пояснить (тем более, что уже не однажды мы это подробно обсуждали), ограничусь тезисным их перечислением. Сейчас есть особая нужда в объединении и единстве разорванных частей нашей традиции. Нам необходимо не просто вернуться к тому, чем и как жила наша церковь в XVIII - XIX веках, но реально выявить в себе черты наследников всей целостности двухтысячелетней традиции, не забывая при этом о необходимости открыться к новому опыту как XX столетия, так и будущего. Пока же мы отброшены назад, к уровню конца XVIII - начала XIX века, но надо преодолеть все разрывы и достичь полноты жизни, уже открытой Богом для нас и в России, и за рубежом, как в русской диаспоре, так и в других церквях. Именно для этого нам необходимо обновление, нам необходимы реформы. Мы остро нуждаемся в реформах для достижения и адекватного выявления в церковной жизни (но не только храмовой) полноты и единства духа и смысла, а также их действенности (а не просто юридической действительности) во всех членах Церкви во всей их жизни. В нашей Русской православной церкви уже имеется некоторый опыт таких достижений, пусть часто еще сокровенный, есть и попытки применения общецерковной традиции к современным условиям, хотя они, конечно, не обязательны для всех и может быть еще не во всем 'И не всегда правильны. Но в наше время в церкви надо приветствовать все искренние пастырские поиски, откликающиеся на требования жизни. Это касается всех сторон церковной жизни. Начнем с *миссионерства и катехизации*. Здесь бросается в глаза то, что эта деятельность, главным образом, должна быть обращена к людям взрослым, сознательным, которым нередко надо не вернуться в церковь, а впервые войти в нее. Чтобы справиться с этой уникальной в нашей истории задачей, надо объединить весь опыт, все силы и средства, имеющиеся сейчас в церкви на этом поле деятельности. Для этого необходимо воссоздать Православное миссионерское общество, которое могло бы быть и преемственным к тому, которое существовало со времен свт. Иннокентия Московского, и в то же время новым, приспособленным к специфике нашей эпохи, но избегающим каких-либо ярлыков и агрессии. (Проект Устава такого общества уже разработан и опубликован - см. "Православная община", 1993, № 1-3.) Необходима не только новая миссия, но и новая система катехизации как целостного и последовательного научения всем основам православной веры и жизни, для чего обычно нужен хотя бы год работы с каждым катехуменом (оглашаемым). Это необходимо всем взрослым членам Церкви. Не забудем, что католический архиепископ Кондрусевич уже благословил годовую катехизацию в России, обязательную для всех желающих креститься в этой церкви. Нормальная катехизация должна быть групповой и тем не менее личностной. Следующая важнейшая область церковной жизни - *приход и храм*. Приход в наше время не может игнорировать новую миссионерскую ситуацию, он сам должен обретать миссионерские черты, становясь подлинно миссионерским, более открытым внешне и внутренне, духовно более целостным, обращенным к каждому, кого бы ни привел Господь на его порог. Для этого он должен накапливать свои силы и средства,

становится в своем облике более общинным и одновременно личностным. Это, в частности, означает, что он никогда не должен быть слишком большим. Приход должен поддерживать все виды духовной и всякой иной живой христианской связи между всеми (полными и неполными) своими членами, поддерживать в своем составе существование разных малых групп, подобщин и братств. На приходе необходимо обновить отношения между клиром и мирянами (верными, лаиками, восстановить на основе евхаристического собрания церкви реальную местную церковь, которая стала бы твердым фундаментом соборности общецерковной. На этой же основе возможно восстановление древних, но и сейчас полезных церковных традиций - наличия в каждом городе своего епископа (а в мегаполисах и в каждом районе - хотя бы викарного), избрания клира всех степеней на общем собрании всех верных, т. е. полных членов своего евхаристического собрания, для чего нужно восстановить само это членство и сами эти собрания верных, в том числе во внебогослужебное время. Приход должен стать своим домом для всех прихожан, которые должны реально почувствовать, что они - братья и сестры во Христе, при всем многообразии характеров, жизненных ситуаций и личного опыта. И в богослужении надо укрепить реальность соучастия и сослужения всего народа Божьего как царственного священства, как особого рода удела Божьего. Поэтому клир не должен быть отделен от остального народа Божьего, как и алтарь от остальной Церкви. Вероятно, этому будет способствовать установление в новых храмах низких иконостасов и служение при отверстых царских вратах, как это делается во многих православных церквях русской и нерусской традиции за рубежом. Неуместны в этом же контексте и "тайные" от народа Божьего молитвы. Почти все священнические молитвы написаны от лица всего народа, "устаами" которого является предстоятель, и следовательно, как того требуют и каноны, их надо читать вслух и на своем месте, которое во многих случаях ныне потеряно. Нельзя тут не подумать и о том, что для нас в Церкви значат слова "изыдите оглашенные, изыдите!", и в связи с этим вновь устроить тот изначальный святоотеческий порядок, чтобы все таинства совершались только в присутствии и при соучастии общины верных. В целях полноты сослужения и соучастия всех верных в богослужении, особенно мистериальном, таинственном, надо удалить все искусственные препятствия для восприятия смысла и духа церковных молитв. Это заставляет нас вспомнить, в частности, те решения Московского поместного собора 1917-1918 гг., которые рекомендовали употреблять в богослужении русский и украинский языки, но конечно, только по просьбе приходо и с благословения местного архиерея. Необходимо вновь объединить все таинства вокруг Крещения и Евхаристии. Да и эти два таинства должны быть максимально приближены друг ко другу. Надо восстановить практику крещальных и венчальных литургий, разобраться в порядке и соотношении общей и частной исповедей, литургического и аскетического постов и т. д. Необходимо возродить значение ... чтения Писания за богослужением и изъясняющей его проповеди. Это касается и языка чтений, и содержания проповедей и формы, и места, и времени того и другого. Чтение Писания лицом к народу на понятном языке и непосредственно за ним следующая проповедь - крайне необходимы во всяком, а тем более миссионерском и ведущем подлинную и полную катехизацию приходе. Конечно, всему этому надо учить. Мы не можем не видеть кризис *детского и взрослого христианского образования*, не видеть необходимости и дифференциации и поддержки многообразия форм, для чего нужны свои новые программы и учебные пособия, даже создание новых по сути предметов, типа педагогики и психологии, катехетики, миссиологии, христианской антропологии, апологетики и т. д. Мне хорошо известен опыт девяти форм церковно-просветительских учреждений при нашем приходе и Сретенском братстве и с уверенностью скажу, что многим людям есть чем поделиться ради пользы Церкви. Еще необходимо смело возрождать традиции церковной *диаконии* и *благотворительности*, восстанавливая единство, как теперь снова говорят, "таинства алтаря" и "таинства брата", для чего не обойтись, как это уже и бывало в церкви на протяжении многих столетий, без служения диаконов вне храма, а может быть и диаконисс. В области церковной *этики* и *аскетики* срочно требуется восстановление самих аскетических принципов в

христианской жизни (смирения, послушания, нестяжания, целомудрия, воздержания, трезвения и т. д.), а не механическое использование одних устаревших форм. Аскетика не должна смешиваться с этикой и мистикой. Все в этой области вновь должно быть возведено к нашему Единому духовному Отцу - Богу (а лишь потом - к духовным отцам и старцам). Нельзя равнодушно смотреть на расцвет в нашей церкви суеверной псевдомистики, псевдодуховничества и псевдостарчества. Ограничимся пока лишь названным, хотя можно было бы продолжать и продолжать. Это не удивительно. Наша церковная жизнь находится в глубоком кризисе, наша церковь в беде, ныне в ней и над ней "Бог плачет" (о. Веренфрид ван Страатен). И решать эту проблему надо целостно, не односторонне и не только привлечением финансовых или иных сил и средств мира сего. В заключение подчеркну еще раз, что все реформы должны служить укреплению духовного единства Церкви в многообразии жизненных ее форм, но они не должны приводить к полному единообразию. Их необходимо осуществлять с благословения нашей иерархии - Собора наших епископов, Синода, Патриарха, но и не против воли народа, церковных пресвитеров и прихожан. В какой степени то или иное дело или изменение в формах церковной жизни приемлемо для народа Божьего, в такой лишь степени оно и полезно для церкви. То есть нам следует судить по потребностям пастырской деятельности, исходя из того, что полезно Церкви, что правдиво и праведно, что ведет к Богу, к совершенству в Любви, Свободе и Истине. 10 ноября 1994 г.

Священник Георгий Кочетков: Доклады

Церковная жизнь

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ «ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ» Отцы и братья! Я очень рад тому, что это первая конференция такого рода, где будет представлено много взглядов, и эти взгляды - очень разные. Конечно, в конце концов будет и отражение ее церковного сознания, поскольку это первая попытка «диалога в любви», а значит, без агрессии, без обличений, без обид, без натяжек. И это, на мой взгляд, очень важно. В нашей церкви, действительно, стоит очень много проблем. И эти проблемы пока мы не имели возможности обсудить церковно, вместе, чтобы и иерархия, и священство, и народ Божий могли высказаться, не боясь репрессий, не оглядываясь назад. Поэтому, думаю, тот верный тон, который был задан предыдущими докладчиками, нужно всячески сохранять. Я даже думаю, что тот доклад, который я готовил, больше богословский, теоретический, возможно, кому-то мог бы показаться острым, и поэтому сегодня делать его не следует. Я просто упомяну несколько моментов, относящихся к той тематике, которую мы здесь, согласно программе, обсуждаем. Действительно, в нашей церкви существует много проблем: националистические ли проблемы, которые тоже, конечно, связаны с проблемами сектантского сознания, собственные ли какие-то сектантские тенденции в связи с недоверием церковным центрам, которое, понятно, воспитывалось и углублялось в период советской власти, или проблемы, связанные с восстановлением традиций нашей церкви, потому что мы прекрасно знаем, как эти традиции часто сознательно умалялись той же властью. И к тому же на протяжении многих веков, последних веков нашей истории, очень серьезно звучал голос самой церкви, говорившей о том, что внешние и внутренние формы ее жизни должны соответствовать друг другу, что для этого необходимо очень многое сделать, что для этого нужно большое напряжение духовной жизни. Конечно, нам, живущим в условиях всеобъемлющего кризиса, совершенно ясно, что мы должны быть очень внимательны, осторожны друг с другом, мы должны быть смиренными и, конечно, дерзновенными, ибо без дерзновения нет и смирения, как и наоборот, без смирения нет дерзновения. Нас не удивляет, что все мы сейчас пытаемся как-то выверять церковным сознанием свои действия, выверять их и Словом Божиим, и святоотеческим преданием, и реалиями нашей жизни, устранив все псевдоморфозы, все, что не подлинно в ней. Понятно,

что здесь даже основные понятия богословия вызывают вопросы, наряду с понятиями, связанными с практической стороной церковной жизни. Нередко можно слышать, как одни утверждают необходимость возрождения в церкви, другие, наоборот, говорят: ну, разве может быть возрождение в Церкви? Ведь Церковь всегда неизменна, Церковь свята, едина, непорочна как Невеста Божия. Одни говорят о необходимости реформ, другие говорят: да нет, это слишком нецерковный путь, потому что у нас уже были обновленцы, были реформы патриарха Никона, на Западе были реформаторы и II Ватикан. И все это исторические прецеденты, которые заставляют нас быть осторожными и даже отрицать саму необходимость каких бы то ни было реформ в церкви. Все понятия, которыми мы пользуемся, могут быть поставлены под сомнение, потому что изменился контекст жизни, и соборный разум Церкви сейчас продолжает свою работу, чтобы найти общий язык, чтобы мы одни и те же вещи называли или одними именами, или хотя бы понимали, что мы говорим об одном и том же, употребляя разные слова. Вообще же вопрос о традициях и обновлении церкви – вопрос сложный. Но нам, как людям, принадлежащим к Новому Завету, к Новозаветной Церкви, нельзя забывать о том, что говорит апостол Павел: «Ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве» (Рим 7: 6, 5). Апостол Павел призывает нас «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума нашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины. Посему, – продолжает апостол, – отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу. ... Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф 4: 22–25, 31, 32). Мне кажется, что еще очень плодотворно для решения всех реальных внутрицерковных проблем всерьез обратиться к тому наследию, которое нам дает русское богословие, русская церковная наука XX века, потому что многие и многие из представителей этого пласта церковного предания, обращаясь к святым отцам, смогли очень глубоко воспринять и осмыслить их проблематику в современном контексте жизни. Так, очень далекий от всякого церковного либерализма о. Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» пишет, что в жизни Церкви на протяжении веков мы наблюдаем не только «постоянство, но и рост, и творчество, и развитие. Канонический строй, богословское самосознание, богослужебный чин и устав, быт и подвиг и многое другое в жизни Церкви оказываются величиной исторической, переменной, растущей и живой, слагающейся во времени. От изменчивости в прошлом естественно заключить и к изменчивости в настоящем. И спрашивается, как верность преданию согласовать с потребностью творимой жизни?». <Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, УМСА-Ргей, 1988. С. 376>. Там же он пишет, что при неизменяемости догмата первоначально данная форма или формула была слишком тесна для явленной в ней истины, и поэтому она с неизбежностью расширялась. Константин Леонтьев ясно видел, что ограничить жизнь церкви одним охранением, значило бы обречь церковь почти что на прямое и полное бессилие. Леонтьев писал далее: «Положим, что нам сказано: »под конец" останется мало «избранных», но так как нам сказано тоже, что верного срока этому концу мы знать не будем до самой последней минуты, то зачем же нам преждевременно опускать руки и лишать Церковь всех тех обновляющих реформ, которыми она обладала все лучшие времена, от сошествия Святого Духа до великой победы иконопочитания над иконоборчеством « <Константин Леонтьев. Из письма 80-х годов. Цит. по: протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. С. 414>, и т. д. и т. п. Знаменитый православный экклесиолог—протопресвитер Николай Афанасьев отмечает: »Церковь меняет свои формы исторической жизни не случайно и не произвольно, не потому, что Церковь приспосабливается к современной ей жизни и пассивно следует за своей эпохой... Церковь сама из своей глубины изменяет свои формы исторического бытия. Церковь стремится в данных исторических условиях найти такую форму, в которой наиболее полно и наиболее совершенно выразилась бы сущность Церкви сама Церковь и ее догматическое учение ".

<Протоиерей Николай Афанасьев. Неизменное и временное в церковных канонах. Живое предание. Париж. С. 87>Обращаясь снова к словам о. Георгия Флоровского, хочется привести следующую его мысль: «Речь идет не о какой-нибудь »реставрации", и не о простом повторении, и не о возвращении назад. «К Отцам», во всяком случае, – всегда вперед, не назад. Речь идет о верности отеческому духу, а не только букве. О том, чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать древние тексты. Вполне следовать отцам можно только в творчестве, а не в подражании". <Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. С.506>К сожалению, не все современные верующие знают эти слова и принимают их.Иногда можно слышать: зачем нужно богословское образование, зачем нужно научение в церкви и обучение? Это все, мол, гордость ума и больше ничего. Знания надмевают. По-моему, прекрасно отвечает на таковые мысли тот же о. Георгий Флоровский: «Опрошенство оказывается бесовским наваждением, и недоверие к ищущему разуму обличается, как бесовское страхование». <Цит. соч. С.519> Нам необходимо свидетельство: свидетельство истины, свидетельство нашей веры. И отказываться от него нельзя. Митрополит Филарет Московский писал: «И зачем Господь послал в мир апостолов? – прежде всего, учить все народы: шедше, научите вся языки. ...Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа, не для тебя посланы апостолы, ты не то, чем были все христиане с самого начала христианства, и не знаю, что ты такое, и что с тобою будет». <Митрополит Московский Филарет. Слова и речи. Т.IV. С.151-152>. Александр Васильевич Горский знал о том, что истину надо защищать, но защищать не всеми способами. Ему принадлежат замечательные слова: «Стыдение лица той науке, которая хочет защищать истину ложью». <Протоиерей А.В. Горский. Письмо свт. Филарету Московскому. Цит. по: « Отечественные подвижники благочестия (октябрь). С. 350>.В наше время снова возникают необыкновенная возможность и в то же время совершенно жесткий императив – возрождать миссионерскую и катехизическую деятельность. Для церкви это вопрос принципиальный. Нужно свидетельство истины, но нужно научиться этому свидетельству. И для этого надо ощущать специфику нашей эпохи. И миссия, и катехизация в церкви должны ориентироваться на взрослых сознательных людей, которым, как никогда прежде в России, надлежит не вернуться в Церковь, а войти в нее. Если еще и не так давно большинство людей могли что-то вспомнить из своего детства и, обращаясь к церкви, обратиться к этим воспоминаниям, то это была одна ситуация. Сейчас мы имеем ситуацию иную, когда большинство людей, с которыми нам приходится встречаться в нашей пастырской деятельности, людей, требуют слова для того, чтобы удовлетворить их духовную жажду, и требуют воцерковления. Это люди, которые уже не в первом поколении атеисты, люди нецерковные, если и знавшие что-то о церкви, то, как правило, не то или не так. Исключения бывают, но они редки.В области миссии и катехизации деятельно мы нуждаемся в возрождении и обновлении. Мне кажется даже, что сейчас все остальное в нашей церкви может благодатно установить свой внутренний порядок, если мы наладим, прежде всего, это свидетельство веры, свидетельство миссионерское и катехизационное. Нам всем известно, что множество ревностных пастырей и мирян пытаются это делать, кто-то более успешно, кто-то менее. Но даже если не брать во внимание самые успешные опыты и их результаты, мы знаем, что и в скромных трудах простых христиан есть золотые зерна, которые нужно открыть для всех, поддержать и объединить. Необходимо объединить опыт и усилия, и средства, имеющиеся уже в нашей церкви. Для чего, может быть, нужно было бы даже возродить, восстановить Православное миссионерское общество, которое действовало бы во всех епархиях под руководством священноначалия, которое могло бы действительно в церкви вести такую созидательную и важную работу. Конечно, вести такую работу можно по-разному. Мы знаем, что много ошибок сейчас совершается на этом поприще. Мы бываем слишком заражены дискуссией, слишком заражены инерцией старой жизни, когда внутренняя агрессия и навешивание ярлыков становится чуть ли не обязательным элементом проповеди, которая хочет прослыть сугубо православной. Мне представляется, что вера будет значительно православнее, если мы как раз освободимся, поможем другим и себе освободиться

от этих вещей. Нам необходимо думать о единстве церкви, народа и общества. И это в большой степени связано с тем, как мы будем вести миссию. Не могу не сказать еще и о катехизации. Известно, что и здесь тоже есть призывы Святейшего Патриарха к возрождению этой работы. Даже есть церковная структура, которая налаживает эту деятельность и представляется, что сейчас было бы, как никогда важным соединить опыт церкви, обсудив его. Ведь трудность заключается в том, что катехизацией взрослых, особенно взрослых людей, в нашей церкви не занимались очень давно. Катехизация была только элементом миссии Российской церкви на окраинах империи, внутри страны эта работа только начиналась. Великий миссионер, святитель Иннокентий, приехав в Москву в качестве митрополита Московского с этих миссионерских окраин, увидел, что внутри церкви, внутри страны, в Москве необходима деятельность миссионерского общества. И мы должны вспомнить сами святоотеческие принципы катехизации, которые должны отличаться от простой работы с детьми, которые должны отличаться от простого обучения, как бы ликбеза. Мы должны стремиться к целостности в этом служении, к последовательности. Мы должны хорошо знать, с чего мы должны здесь начинать и где мы должны сказать себе «стоп». Нам необходимо научение основам православной веры и жизни, которые должны быть в единстве. Восстановление единства жизни и веры – также одна из важнейших наших задач. На мой взгляд на такую катехизацию (в случае нормальной катехизации взрослого сознательного человека) требуется не меньше года. Не забудем, что и католическая епархия в России сейчас требует в обязательном порядке одногодовой катехизации для тех, кто желает креститься в Католической церкви. И нам уже пора всерьез отнестись к нашим канонам, которые требуют во всех нормальных случаях длительной и серьезной катехизации людей. Более того, наши предания содержат в себе перечень тех исключений из этого правила, которые можно делать, т. к. они не являются предметом простого произвола. Конечно, есть много и других проблем. Но к сожалению, время мое истекло. Благодарю за внимание.

Протоиерей Аркадий Шатов: Эволюция понятия общины в современном мире

Церковная жизнь

Настоящий материал представляет собой расшифрованную запись доклада, прочитанного на конференции Ваши преосвященства, ваши высокопреподобия, дорогие отцы, братья и сестры! Я думаю, что мы с вами должны быть все благодарны богословским школам за инициативу проведения этой конференции. Мы вступили сейчас в новый церковный период. В этот период без проведения таких конференций очень многим священнослужителям грозит опасность впасть в какие-нибудь расколы или ереси. Раньше такой возможности просто не было, поскольку церковь была гонима, она была под прессом безбожной власти и поэтому такие опасности не возникали или, если возникали, то не могли распространиться так широко, как это может быть в наше время. И мне кажется, что источник этих модернистских тенденций, которые мы сейчас видим, он находится еще в том периоде, в том времени. И я хотел бы обратиться и посмотреть на те причины, которые вызвали к жизни те течения, о которых мы здесь с вами говорим. В 1979 году в «Вестнике РХД», в 128 номере, была опубликована статья Н. Герасимова «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви». Это статья о Георгия Кочеткова, который признал свое авторство, поэтому можно сейчас уже говорить здесь это откровенно. Сам он лично это признал и не скрывает это. И мне кажется эта статья показывает то, откуда началась эта реформаторская деятельность, с чего она началась. Показывает те принципы, на которых строилась духовная жизнь о. Георгия, которая дала такие сейчас печальные результаты. Я говорю это, не осуждая. Говорю, повторяя здесь то, что говорил о.

Георгию много раз лично и многие годы тому назад. Говорю потому, что сейчас эта деятельность привела уже к созданию – к опасности создания – какой-то «параллельной церкви». Я сейчас постараюсь как-то это еще раз доказать. В этой статье о. Георгий, тогда еще не имеющий священного сана, говорит о том, что в те годы в церковь стала приходить молодежь, стала приходить интеллигенция. И вот эта интеллигентная молодежь не была в церкви встречена, как должно. Она не нашла в церкви жизнь, не нашла этой жизни в приходах. Тогдашняя жизнь в церкви – сейчас мы с вами очень легко как-то забываем об этом периоде – она, конечно, была не похожа на жизнь нынешнюю. Это была жизнь очень трудная и тяжелая, жизнь, когда церковь была гонима. И вот эта интеллигентная-то молодежь, которая тогда пришла в церковь, не нашла себе места в церкви. Многие из тех, кто пришел в церковь, не остались в ней, а ушли в секты, в расколы, ушли в какие-то восточные философии, в антропософию, в теософию. Многие, как пишет там о. Георгий, нашли свое место в такой официальной как бы церкви. А некоторые выбрали для себя такой «путь борьбы»: в церкви с маленькой буквы – за Церковь с большой буквы. Далее о. Георгий рассказывает о тех общинах, которые тогда возникали. Вернее, «общностях», как он говорит. Он делит эти общины на разные типы – проповеднического типа, общинного типа, евхаристического типа. И мы с вами, действительно, знаем, что в то время, когда жизнь в церкви была несвободна, многое в церкви существовало как бы полуполюгально, полукатакомбно. Бывало, что на домах приходилось и крестить, и венчать, и исповедывать, и совершать какие-то службы на домах. И вот о жизни этих общин и говорит в этой статье о. Георгий. И вот, говоря об этой группе людей, которые решили «в церкви бороться за Церковь», он излагает принципы жизни в таких общинах. Среди этих принципов есть принципы очень хорошие. Но есть и те, которые мне кажутся опасными, те которые привели к нынешней ситуации. Вот, например, такой принцип: «Стремиться к полной свободе и независимости как для церкви, так и для себя, в том числе, и от самой наличной официальной церкви». В то время, может быть, это было не так опасно. Но если этот принцип сейчас проводить в жизнь в такой «полной свободе», то тогда это приведет просто к расколу. Дальше. Еще один принцип: «Не замыкаться в себе и своей традиции. Искать истину везде, и где бы ее ни нашли, принимать, воцерковляя». Это, конечно, правильно и хорошо – принимать людей, воцерковлять их. И не только людей, но и какие-то истины, которые находятся где-то в других, может быть, религиях. Но, к сожалению, это общение с инославными, та работа, которой занимались тогда о. Георгий и Александр Михайлович, работа с баптистами, она привела к тому, что сами они стали как-то снижать высокий уровень православного богословия, высокий уровень православной духовной жизни, применяя их к баптистам. Я как-то разговаривал с одним милиционером и спросил его, почему милиционеры такие грубые, почему они так себя ведут. Милиционер сказал: «Это потому, что они общаются с бандитами, поэтому такие они ханыги». И вот обратное какое-то действие, оно происходит иногда у тех людей, которые с добрыми намерениями... Я хочу сказать, что здесь говорили о каких-то умышленных, так сказать, действиях. Я не думаю, что здесь... Даже не только не думаю, а уверен, что никаких умышленных действий, конечно, не было. Но вот эти добрые намерения, они приводят к таким вот, к сожалению, опасным вещам. И недостатки являются как бы продолжением достоинств. Еще один принцип: «Сохранять все имеющиеся церковные формы. По возможности, участвовать во всех общецерковных событиях и празднествах – пока не родилось что-либо лучшее». Вот это, вы знаете, очень опасно. Потому что родилось «что-то», это что-то принято за лучшее, это «лучшее» предпочитается тому, что было, и таким образом отрицается предание церкви. Далее в этой статье противопоставляется, как здесь уже говорилось, жизнь приходов жизни общин. И в этом противопоставлении приходской жизни и жизни общинной скрывается тоже опасность очень страшная. Вот здесь говорится об организации всей жизни церкви, о роли Соборов в жизни церкви. Здесь говорится, что «для приходов, для приходского устройства церковной жизни, роль Соборов в жизни и устройстве всей церкви является центральной. А для общности общинного типа Собор является лишь одной из форм церковного общения для подтверждения истины и исповедания любви». И

говорится о «функциональном и частном значении Соборов, в том числе и Собора апостольского». А основной акцент делается на «местной соборной жизни в местной евхаристической или исповеднической общине». То есть эта община является сама для себя авторитетом, других никаких авторитетов для нее нет. Вернее, есть, но, так сказать, условные авторитеты, а главное – местная эта община и ее эта вот соборная жизнь. Дальше. Здесь, когда говорится об этой общинной жизни, говорится следующее: «Принципиальная возможность литургических и полулитургических церковных действий, совершаемых при особых обстоятельствах и без поставленных клириков другими харизматиками». То есть уже провозглашается то, что сейчас осуществляется на деле. Если говорить о духовном – тоже, как мне кажется, неправильном – направлении, которое здесь избрано, то здесь можно тоже привести противопоставление духовности приходской жизни духовности как бы жизни общинной. Когда говорится о приходской жизни, говорится так: «Здесь особая ценность лично самоуничтожительных добродетелей: уставных поста и молитвы, послушания и смирения». А когда говорится о жизни общинной, то здесь говорится об особой ценности «добродетелей, утверждающих и раскрывающих особые личностные дары и служения в Духе Святом: ревность о дарах духовных, особенно же о пророчестве и различающем ведении-гнозисе, разнообразные формы общения в любви и свободе Духа, эсхатологическая напряженность, терпимость и неосуждение». Вот в этой направленности мне видится некоторая опасность впасть в гордыню, видится отсутствие смирения, видится такая позиция, когда человек считает, что все, что он понимает, все, что он чувствует, – это истина. А то, что приходит к нему извне, это не истинно. То, чего он не может понять или не может воспринять, это не может быть истиной ни в каком случае. И вот, в этой статье утверждается, что на всемирном уровне свойства Церкви (единство, святость, соборность, апостоличность Церкви), они не явлены в наше время. Но могут быть явлены в поместной церкви, общине-семье. И поэтому, исходя из этих принципов, их дальнейшая деятельность была вообще-то направлена на то, чтобы создавать такие «семьи». И не просто семьи, а целую как бы сеть, целую структуру этих семей, этих семей-общин. Если говорить об экклесиологии, которая как-то подтверждает эту деятельность, то она вытекает из этой деятельности. Она не просто так придумана, она рождена опытом этой жизни. И здесь мне хотелось бы процитировать место, где говорится о различных устройствах церкви. Здесь говорится так: «Для младенцев во Христе должен быть детоводитель – экклесиологическое устройство, с его догматами, канонами, чинными уставами, апостольской преемственностью, иерархией и т. д. А синаксарное устройство – для уже усовершенствовавшихся и освятившихся. Всякий, усвоивший тайноводство Церкви, может быть выделен из прихода в общину, то есть узкий, почти – но только почти – семейный круг людей, ревнующих о пророческих дарах больших, имеющих одно сердце, имущество, все общее, а также, живущих пред Богом в простоте и целомудрии, идя путем совершеннейшим». Предлагается такой «совершеннейший путь» для избранных. Я не богослов, но мнение о Иоанна Мейендорфа (здесь уже упоминалось оно) я хочу процитировать более полно в отношении этого разделения церкви на две формы, на два устройства. О. Иоанн Мейендорф пишет в статье, которая посвящена этой работе о. Георгия: «Я решительно не согласен с выводами статьи: принципиальное принятие двух параллельных форм церковного устройства – «синагогально-синаксарного» и «экклесиологического» (зачем такие чудовищные неологизмы?). Деление это неприемлемо принципиально, так как Церковь – одна, а выделение синагогально-синаксарного устройства для особой группы «уже усовершенствовавшихся и освятившихся» было бы своеобразным гностическим элитизмом. Формы такого элитизма известны с древности и всегда отвергались католическим христианством». И еще я хочу сказать, что такая вот экклесиология, которая здесь приводится, она даже как бы разделяет Евхаристию. Вот такая цитата из о. Георгия: «Что касается евхаристии, то она всегда требует выделения кого-то одного. И здесь важно, кто он. Или харизматически первый среди равных, как в день Пятидесятницы (и тогда форма устройства – первая). Или он носитель особого дара Святого Духа и особой первенствующей должности (тогда форма устройства – вторая). Таким образом, евхаристия в принципе может быть с равным успехом подключена как к

богослужению синаксарному, так и к ектлесическому». Мне кажется, в такой форме говорить о евхаристии как-то все-таки нельзя. Евхаристия «подключается» к чему-то, она не имеет такой самодовлеющей ценности, как можно судить, исходя из этих слов. Может быть, это просто такая неправильность выражений, может быть, я что-то неправильно понимаю. И вот, что самое страшное, мне кажется. То, что было тогда начато, те принципы, которые тогда были таким образом провозглашены, они в наше время уже явили свой плод. И мы можем судить об этих принципах (о которых можно спорить и говорить, гордыня это или нет) по плоду. Какой же это плод? Это не просто, как я уже говорил, одна какая-то община, а целая, простите, сеть. Ну, или братство, можно сказать, – Сретенское, – которое имеет все-таки какое-то единое устройство. И таких общин очень много. В 1993 году в книге, где рассказывается о конференции Сретенского братства, названы 16 общин, которые действуют в Москве, 6 групп в Екатеринбурге, 3 группы в Тольятти, 3 группы в Твери, 2 группы в Коломне. И, кроме того, еще есть, наверное, и в других городах. Говорили об Архангельске, еще говорили о каких-то группах. Александр Михайлович говорит, что они не собирались ехать куда-то и создавать свою какую-то «параллельную церковь». Они приезжали туда потому, что их просили, потому что местные архиереи или священники не захотели заниматься катехизацией. Ну, причина, может быть, конечно, и в этом. Но все-таки мы знаем с вами, что эти возникшие группы, они в чем-то как-то вместе соединены. О. Георгий говорит на этой конференции, что он благословляет того или иного новоизбранного главу этой общины и имеет такую возможность – признавать или не признавать членом своего братства. Так что главы этих общин, хотя они и избираются общиной (избираются на один год), но подтверждается их, так сказать, «главенство» самим о. Георгием. То есть получается такая иерархическая, как и в церкви, структура, а не просто разобщенные какие-то общности. И вот, мне кажется, нам с вами нужно внимательно присмотреться к жизни этих общин. О них написано достаточно сейчас уже много. Я уже сказал об их количестве. Можно сказать об их устройстве. Кто выбирается главой этой общины? Главой выбирается тот, «кто ближе к Богу». Община решает: кто ближе к Богу? Кто более, можно сказать, свят? Не организаторские способности человека, не еще какие-то вторичные качества здесь являются решающими, а выбирается «тот, кто ближе к Богу». Выбирается он на год. Затем он меняется, если решает община, или остается как бы на этом посту. Как рождается эта община? Откуда эти общины появляются? Это не те люди, которые пришли из других приходов. Это те люди, которые пришли для того, чтобы креститься. Это те люди, с которыми занимались катехизаторы, с которыми занимался о. Георгий или преподаватели этой высшей школы богословской. То есть это те люди, которые, придя в церковь, еще ничего не знают. Они, действительно, младенцы, они не знают, что такое церковная жизнь. Их сразу вводят в какое-то русло духовной жизни. И преподавание в этой школе, эта система (которая тоже, мне кажется, должна быть внимательно рассмотрена) – это не просто какой-то академический курс, это не просто каталог тем. Это, скорее, воспитание, чем обучение. Воспитание в определенном русле духовной жизни. И что является центром жизни этих групп? Здесь уже говорилось об агапах. И складывается такое впечатление, что центром жизни, действительно, является не евхаристия, а агапа. Я не говорю о личной жизни этих людей, для них, может быть, как личностей остается все-таки центром жизни евхаристия. Но вот эта община, – община, которая собирается, – для нее, мне кажется, является центром вот эта агапа. Из чего я это заключаю? (Шум, возгласы: «Неправда», «Вы ошибаетесь!») Может быть. Очень хорошо. Из чего я это заключаю? (Еще возгласы: «Неправда, это неправда»). Хорошо. (Шум, возгласы). Хорошо. Из чего я это заключаю? О. Георгий говорит, что «агапы являются браком Агнца с его невестой Церковью». Это цитата из о. Георгия. «Там обновленное присутствие Христова посреди нас». Окончательное принятие «полных членов этой общины происходит через полноценное присутствие и участие в агапе». Значит, человек входит в эту группу, когда он полноценно участвует в агапе. Может быть, это не так. Но все равно создается второй центр – помимо евхаристии – центр очень важный, который объединяет эту общину. (Шум. Возгласы: «Это не второй центр, это возможность общения после евхаристии.» – «Да, и вовсе не

параллельный». - «Агапы не могут существовать без евхаристии. Понимаете, не вместо... Какие вообще проблемы?...» Шум, смех). Понятно. Проблема вот, в чем. Я скажу, в чем еще проблема. Проблема, мне кажется, в том, что раные, действительно, агапы совершались всей церковной общиной. Здесь же агапа совершается не всей общиной, не всеми теми людьми, которые причащались в этот день в этом храме. Она совершается группой лиц, которая проводит полузакрытые собрания. Не все, кто был в храме, собираются на агапу, не все допускаются на эту агапу, а туда приходят только те, кого решил допустить «совет» этой семьи. И это здесь провозглашается в принципах жизни этой семьи-общины, которые тоже опубликованы и которые, мне кажется, тоже заслуживают внимательного изучения. (Шум, возгласы: «У нас причащается около четырехсот человек, батюшка, мы не можем поместиться ни в каком помещении». - Председательствующий (о. Владимир Воробьев): «После о. Аркадия, после всего этого, выступит кто-нибудь из вас. Вот, Александр Михайлович Копировский подал прошение...»). Я был бы очень рад, если бы о. Георгий сам, конечно, разъяснил все эти непонятности. Я не обвиняю в ереси никого, не обвиняю в расколе, а говорю об опасностях, которые возникают. Об опасностях, прежде всего, духовного плана, но в том числе, опасностях, которые могут пройти через это в церковь. Здесь уже говорилось о том, что, конечно, о. Георгий сам - я думаю, - и Александр Михайлович, и те, кто начал эту линию, - они остаются в Церкви. Но к чему приведет возникновение этих групп? Ведь главой этой общины являются неофиты, община состоит из неофитов, эти неофиты предлагаются кандидатами в священники, они предполагают создание из этих агап приходо-воспитательных групп в определенном совершенно духе. Я имею в виду систему полного оглашения. Там совершенно определенная последовательность: приглашение, оглашение, тайноводственные беседы, «уход в пустыню», затем возвращение в группу, решение группы о создании общины. То есть, такая четкая очень выстраивается линия. И кроме того, само богослужение в этой общине является уже реформированным. Чинопоследование реформируется, причем, революционным путем, я бы сказал. Реформируется отношение к молитве (молитва своими словами не только наедине с Богом, - когда я наедине молюсь Богу, - но и общая молитва). Нам о. Константин рассказывал, как происходит эта молитва в этом собрании. Толкование Священного Писания - не на основании святых отцов (я этого нигде не видел в этих текстах, может быть, на основании святых отцов), а там говорится о таком свободном, так сказать, подходе к Священному Писанию. Каждый должен для себя прочитать и усвоить Священное Писание. Здесь нет такой преемственности. Говорится о новом языке. Проповедуют все члены общины. Главой общины может быть и женщина (в исключительном случае, как говорит о. Георгий). То есть богослужение реформируется здесь революционным путем. И еще я хочу подчеркнуть ответственность о. Георгия за всю эту деятельность. Я читал тут материалы этой конференции, и там о. Георгий говорит больше всего. На все вопросы он отвечает как бы сам. И все эти общины, они подчиняются именно ему. Поэтому мне кажется, здесь большая тоже очень опасность для него: отвечать потом за тех людей, которых он привел в эти общины. Что собой являют эти общины? Мне кажется, на этот вопрос должна ответить Церковь. Тем более, что этот вопрос задается как бы самим о. Георгием, и через него всем этим образом жизни. Вот, что говорит о. Георгий в своей статье «Приход-община» (это слова, которые обращены, дорогие братья и сестры, ко всем нам): «Церковь, как приходская и епархиальная иерархическая структура, на мой взгляд, должна узнать новые (это слово выделено курсивом) пути в своей жизни, в том числе, и типа описанных нами. И по рассуждению довериться им (здесь предлагается только одна альтернатива - довериться этим путям), - если не желает стать большой конфессиональной сектой и превратиться в национально-музейное гетто, оттолкнуть в потенции свой же народ». Здесь говорится о нетерпимости (это страница 41 из этой статьи о. Георгия), здесь говорится о нетерпимости тех, кто выступает против о. Георгия. Но сама эта позиция - разве она терпима по отношению к церкви? Здесь же не предлагается другого варианта, здесь просто такая как бы угроза: «если вы не признаете этот путь, если вы не примете его по рассуждению, то вы превратитесь в большую конфессиональную секту, в

национально-музейное гетто». И мне кажется, вот поэтому-то нужно на это обращение к нам о. Георгия обязательно ответить. Мы нуждаемся в этом ответе, мы нуждаемся в том, чтобы деятельность вот этих общин была рассмотрена священноначалием, и было сказано нам: благословляется ли совершение агап по такому чину? благословляется ли создание таких групп? благословляется ли возглавление их вот этими неофитами? благословляется ли это направление духовной жизни? Если да, то мы тогда не будем обвинять ни в ереси, ни в сектантстве, а будем, как здесь говорили, «смиряться, терпеть» и примем, наверное, такое соборное решение всей церкви. Но решить этот вопрос, мне кажется, важно, поскольку он порождает столько всяких здесь недоумений. И мне кажется, чтобы не возникало в дальнейшем таких вот проблем, необходимо, чтобы в Церкви были постоянно действующие, работающие комиссии. Комиссии по богослужебному чину, комиссии, которые рассматривали бы те нововведения, которые предлагают священники, и, – выяснив, соответствуют ли они преданию, допустимы они или нет, – разрешали бы их или представляли на утверждение епархиальных архиереев – благословлять или не благословлять эти изменения. Чтобы были комиссии богословов, комиссии пастырей уважаемых, имеющих большую практику приходской жизни. Эти комиссии должны все-таки рассматривать эти вопросы. В наше время это возможно. Мне кажется, что такие конференции должны проходить более часто. Мне хотелось бы, чтобы Богословский институт или духовные академии взяли на себя труд предложить список тем для таких конференций. Чтобы Московская епархия (большинство присутствующих здесь представляют именно эту епархию) имели возможность собираться для обсуждения этих тем, собираться для обсуждения всего того, что так нас с вами здесь волнует. Я прошу прощения, если я что-то неправильно понял. Я не хочу ничего осуждать в жизни Сретенского братства. Я хочу высказать еще раз, и теперь уже вслух, свои недоумения, поделиться своей болью. Потому что Александр Михайлович и о. Георгий – не чужие мне люди, это люди, которых я люблю. И Оля Таяновская и, может быть, еще кто-то, я сейчас не помню, кто остался в этом братстве. Этих людей я очень люблю, очень ценю и знаю об их достоинствах. И мне очень больно, что такая опасность нависает над ними, а теперь – в результате этой деятельности – не только над ними, но угрожает и всей Церкви. Простите. *(Аплодисменты)*.

Сергей Смирнов: О конференции (по поводу доклада О. Аркадия Шатова)

Церковная жизнь

Редакция журнала публикует отклик на выступление протоиерея Аркадия Шатова и мнение о конференции старшего катехизатора огласительного училища при Свято-Филаретовской МВШШ Сергея Смирнова.

1. Общие впечатления о конференции

«Это похоже на то, как группа дюжрок судила Пастернака», – выкрикнул кто-то с галерки, когда в самом конце конференции «Единство церкви» принималась резолюция, требующая от о. Александра Борисова и о. Георгия Кочеткова публичного покаяния. Мне стало неловко: и оппоненты наши разбираются в деле куда лучше, чем дюжрки в поэзии, и самих себя сравнивать с гениальным Пастернаком – несколько нескромно. Но, надо сказать, тягостная атмосфера обычной советской травли невольно рождала подобные аналогии. Хорошо, пусть не дюжрки, и не Пастернак – это, в самом деле, и несправедливо, и претенциозно. Но ведь из всякого рода Союзов исключались и менее известные люди, а кампании «по искоренению» отнюдь не всегда раздувались до всенародных масштабов. В недавнем прошлом подобные

ситуации случались и в институтах, и на предприятиях, и в армии, и в школах и чуть ли не в детских садах. Заданность результата и уверенность в поддержке «сверху», праведность давно копившегося гнева, требования «разобраться», не смущающая ораторов противоречивость обвинений, неприятие возражений, полоса отчуждения – все было слишком узнаваемо.

Но, парадоксальным образом, это радовало, ибо давало основание думать, что и на этот раз «в гневе человеческом не творится правда Божия». Ибо очевидно не только то, что травля не может привести к торжеству правды, но и то, что борьба за правду не может принимать таких форм. И еще радовало тут же явленное отличие церкви от всех светских вообще (и советских в частности) организаций. Ибо было видно, сколь многие ее члены стремятся жить по совести даже тогда, когда это не совсем выгодно. Вот, при обсуждении резолюции встает один священник и говорит: «Я во многом согласен с тем, что здесь написано, но такого рода определения может выносить только церковный суд, а никак не научная конференция». Встает другой и говорит: «Я не понимаю, как

можно от имени всей конференции принять резолюцию, отражающую только одну из прозвучавших в выступлениях точек зрения». И так далее.

Было бы наивно думать, что прозвучавшая в адрес о. Александра и о. Георгия «критика» (употребим это мягкое слово) вовсе не имела под собой почвы, но многое было совершенно несправедливо. А настоящий трагизм ситуации заключался в том, что в травлю включились многие достойные и уважаемые священники, причем ощущалась полная невозможность друг друга услышать, а следовательно, невозможность найти, обрести отсутствующее согласие. В результате и та, и другая сторона не только осталась после конференции при своем первоначальном мнении, но еще и сочла, что конференция со всей очевидностью показала ее собственную правоту. Между тем, обязанность слышать друг друга лежит на всех. И если нас слушать не хотят, – хотят только, чтобы мы безоговорочно признали свои ошибки, – это не значит, что мы сами должны занимать такую позицию. В любом случае, нам надо ясно понимать, в чем нас подозревают.

Если говорить о духовных чадах о. Георгия Кочеткова, то подозревают и обвиняют нас в том, что мы являемся неправославной и даже вообще нехристианской сектой со своими «ложями» (общинами), со своими закрытыми и законспирированными собраниями (как говорит мой – увы неверующий – сосед по квартире, «православные по домам не собираются»), со своей иерархией, тайно поставляемой о. Георгием (главами общин), со своей жесткой, как в тоталитарных сектах, дисциплиной, со своими таинствами (агапами) и догматикой (тут, как нельзя более кстати, пришлось несколько фраз о. Георгия из статьи «О границах Церкви», которые при желании – всемерно продемонстрированном на конференции – можно перетолковать и вывернуть так, будто мы считаем своими святыми Льва Толстого и Махатму Ганди).

Конечно, мы можем только удивляться, каким недобрым и предвзятым взглядом надо смотреть, чтобы все увидеть в таком искаженном виде. Но простое столкновение двух голых очевидностей, никогда не сможет разрешить конфликта. И если большинству наших оппонентов давно «все ясно» (о чем некоторые из них не смущаются говорить, даже не выслушав наших объяснений), то все же есть надежда, что среди них есть и такие, кто готов разобраться в позиции другой стороны. А если это и не так, то нам самим надо еще раз взглянуть на себя и посмотреть: не вредим ли мы, в самом деле, церкви. Не в том смысле, что мешаем кому-то спокойно и привычно жить (в этом смысле явно вредим), а в том, что внедряем в церковную практику такие вещи, которые вредят духовной жизни православного христианина.

2. О докладе о. Аркадия Шатова

Наиболее благоприятное впечатление на конференции на меня произвел доклад о. Аркадия Шатова, хотя я и не был согласен с тем, что он говорил. Но, во-первых, о. Аркадий в отличие от большинства критиков, не останавливавшихся перед совершенно голословными обвинениями или возмущенно цитировавших одну и ту же злосчастную фразу о Махатме Ганди, вынес на обсуждение другие публикации о. Георгия Кочеткова. Для научной конференции это было весьма уместно. Во-вторых, о. Аркадий затрагивал вопросы, действительно, существенные и спорные, хотя зачастую приписывал нам такие ответы на них, каких мы сами не предлагаем и принять не можем.

Сразу должен сказать, что по расшифровке магнитофонной записи доклада я был разочарован и раздосадован. Сейчас мне представляется, что о. Аркадий тоже принадлежит к числу тех, кому давно «все ясно», а его постоянные оговорки ("может, я и не прав, но пусть мне тогда объяснят") – не более, чем фигуры речи. Впрочем, доклад все равно стоит того, чтобы внимательно его рассмотреть.

Начинает о. Аркадий с того, что сейчас необыкновенно велика опасность «впасть в ереси и расколы», виной чему – реформаторская деятельность о. Георгия Кочеткова, давшая «такие печальные результаты» и приведшая к «опасности создания параллельной церкви». Таким образом, акценты расставлены с самого начала: деятельность о. Георгия – «реформаторская и модернистская», результаты ее «печальны», она угрожает «ересями и расколами». В принципе, для той конференции в этих высказываниях нет ничего особенного, для всего ее контекста это как бы общеизвестно и не требует особых аргументов. Поэтому на этом можно было бы вообще не останавливаться, но мы потом увидим, как о. Аркадий использует эти оценки – которые, вообще говоря, могли бы быть конечным звеном рассуждений, – в качестве обоснования своих утверждений. По законам логики это, конечно, элементарная ошибка, зато по законам полемики – вполне эффективный прием.

Вслед за таким началом о. Аркадий справедливо замечает, что деятельность о. Георгия началась давно, что ее принципы были изложены в нескольких опубликованных статьях, и переходит к их разбору. Я тоже прочитал эти статьи, и первое, на что натолкнулся – это на своеобразный способ цитирования, применяемый о. Аркадием.

3. О корректности цитирования

Приведу четыре примера того, как о. Аркадий цитирует статьи о. Георгия. Эти примеры касаются не самых существенных вопросов, но дают представление об общем настрое докладчика. Вот о. Георгий пишет (в 1978 г.) о недостаточности господствующей в нашей церкви «однообразно-охранительной струи», каковая недостаточность, по его мнению, стала совершенно очевидной после двух событий. Во-первых, когда в разгар хрущевских гонений «возмущенный, но и недостаточно трезвый, голос троих явленных противоборцев был заглушен самой же церковью» (1, с. 51). Во-вторых, когда потянувшаяся к церкви «интеллигенция и особенно молодежь» не была в ней должным образом встречена и, соблазнившись реальностями церковной жизни, от церкви отошла (1, с. 51–52). Таким образом, о. Георгий указывает на два трагических эпизода церковной жизни (церковь заглушила слово правды и оттолкнула тянущихся к ней), полагая, что ответственность за них несет так называемое «охранительное православие».

О. Аркадий в своем цитировании почти неуловимо смещает акценты. Первый эпизод он опускает, поскольку тот ставит проблему не совсем в том ракурсе, как хотелось бы о. Аркадию, а по поводу второго высказывается в том духе, что интеллигентная молодежь (ударение

делается на слове «интеллигентная») сама виновата, поскольку испугалась разделить жизнь гонимой церкви.

Может быть, и так. Не знаю. Я в то время искренно считал своего первого обратившегося друга едва ли не сумасшедшим, поэтому не буду дискутировать по существу. Хочу только обратить внимание на то, что о. Аркадий акцентирует внимание на «интеллигентности» соблазвившейся молодежи, тогда как у о. Георгия этого акцента нет. Неискушенному читателю это может показаться чем-то несущественным, но надо иметь в виду, что для многих православных «охранительного» толка интеллигентность – вещь сама по себе подозрительная. Поэтому это довольно сильный ход – представить о. Георгия ревнителем не о церкви, а об интеллигентной молодежи.

В этом же русле лежит другой пример препарирования цитат. О. Георгий, сопоставляя (и противопоставляя) приходское и общинное устройство церковной жизни, пишет, что при приходском (критикуемом им) устройстве особо велика «ценность лично-самоуничижительных добродетелей – уставных поста и молитвы, послушания и смирения, нестяжательства и безбрачия» (1, с. 65). О. Аркадий опускает два последних слова – и всем становится очевидно, что самочиние, строптивость и гордыня давно возведены о. Георгием в принцип жизни. Но, простите, как все-таки быть с нестяжательностью и безбрачием? Может, о. Георгий и эти добродетели ставит под вопрос? Или сам погряз в стяжаниях и распутстве? А если – нет, то, может, в его статье речь не о том, что послушание и смирение – плохо?

Еще один пример. О. Аркадий цитирует несколько предложенных о. Георгием «принципов борьбы за Церковь», начиная с такого: «Стремиться к полной свободе и независимости как для церкви, так и для себя, в том числе, и от самой наличной официальной церкви». О. Аркадий оставляет без внимания слова о свободе и независимости для церкви (хотя в те времена, когда эти слова писались, они были не вполне безопасны для их автора) и так комментирует слова о свободе «для себя»: «В то время, может быть, это было не так опасно. Но если этот принцип сейчас проводить в жизнь в такой »полной свободе", то тогда это приведет просто к расколу". Казалось бы, трудно не согласиться с о. Аркадием. Но примечательно то, что в списке «принципов» о. Георгия процитированный пункт числится вторым. А на первом месте стоит: «Не отделяться от Православия ни при каких условиях». И на третьем: «Прилагать все силы к объединению церкви» (1, с. 52). Неужели хотя бы упомянуть о них на конференции, где о. Георгий обвиняется в отходе от православия и расколе, было так уж совершенно неуместно?

И последний пример. О. Аркадий, смиренно отказывая себе в праве именоваться богословом, подкрепляет критику общинного устройства церкви авторитетом о. Иоанна Мейендорфа. Но нужно ли быть богословом, чтобы цитировать тексты, не искажая и не превращая их смысла? Как можно не заметить, что всего через один абзац после приведенного о. Аркадием фрагмента о. Иоанн пишет: «В практическом отношении я думаю, что его (о. Георгия – С. Смирнов) желание оправдать существование в Церкви малых групп преданных и »усовершенствовавшихся" христиан – вполне законно, особенно в условиях современной церковной жизни в России" (3, с. 81). Не потому ли о. Аркадий обходит эту мысль молчанием, что в данном случае авторитет о. Иоанна мог «сыграть на руку» о. Георгию?

4. О доказательности

О. Аркадий так подытоживает свой разбор статей о. Георгия: «Мы можем судить об этих принципах (о которых можно спорить и говорить, гордыня это или нет) по плоду. Какой же это плод?»

Итак, о принципах можно, вроде бы, спорить. Право, не знаю, принимать ли эти слова о.

Аркадия за чистую монету или просто лишний раз отдать должное его ораторскому искусству. Но к его тезису о необходимости судить по плоду надо отнестись со всей серьезностью. В самом деле, каков же этот плод?

Казалось бы все просто. Сотни людей под влиянием проповеди о. Георгия оставили свои прежние пути, сознательно и свободно обратились к Богу, ко Христу и Православной церкви. Некоторые из них продолжают ходить в приход к о. Георгию, многие стали прихожанами других храмов, в том числе тех, где настоятелями служат его многочисленные оппоненты. Если и есть какие недостатки у о. Георгия или у этих людей (а их у нас предостаточно), все же это не повод, чтобы паниковать и посвящать им международные богословские конференции.

Но о. Аркадий иначе видит плоды деятельности о. Георгия. Хотя он и говорит «я не обвиняю никого в ереси, я не обвиняю никого в расколе», но, если снять это обвинение, вся конструкция повисает в воздухе. Потому что, если мы не еретики и не раскольники, надо радоваться и благодарить Бога, как много новых людей «некогда не помилованных, а теперь помилованных». Если мы еретики и раскольники, то неплохо бы показать, что в нашей вере и в нашей жизни несовместимо с православной традицией.

О. Аркадий не делает ни того, ни другого. Вот он говорит: «Откуда эти общины появляются? Это не те люди, которые пришли из других приходов. Это те люди, которые пришли для того, чтобы креститься. Это те люди, с которыми занимались катехизаторы... То есть это те люди, которые, придя в церковь, еще ничего не знают. Они, действительно, младенцы, они не знают, что такое церковная жизнь. Их сразу вводят в какое-то русло духовной жизни. И это преподавание, эта система (которая тоже, мне кажется, должна быть внимательно рассмотрена) – это не просто какой-то академический курс, это не просто каталог тем. Это, скорее, воспитание, чем обучение. Воспитание в определенном русле духовной жизни».

Честно сказать, когда я слушаю или читаю подобные пассажи, мне становится тоскливо и тошно. Потому что, если не придирается, это все верно. Можно придраться к тому, что основная масса оглашаемых – крещенные в младенчестве или даже в сознательном возрасте, но потом едва ли не брошенные церковью на произвол судьбы и потому практически неверующие и совершенно нецерковные люди. Но, если не придирается, – это все верно. И почти те же самые слова ("не обучение, а воспитание" и проч.) мы сами говорим о себе. Достаточно прочитать те же слова с другой интонацией и из возмущенного «сигнала» (мол, еретики сокрушают невинные души) они станут хвалебной одой миссионерскому подвигу. Всякий может в этом убедиться, если перечитает приведенные высказывания о. Аркадия еще раз, подставляя вместо «определенное (какое-то) русло духовной жизни» слова «русло церковной жизни». Этим я хочу сказать только одно: о. Аркадий говорит о «печальных результатах», о «страшных плодах» и обосновывает свою оценку тем, что число обращенных быстро растет. Этого недостаточно. Ведь нетрудно догадаться, что тот же факт может являться свидетельством того, что Бог содействует нашим трудам.

5. О некоторых фактах из нашей жизни

Но я несправедлив к о. Аркадию. Он приводит, как ему кажется, убийственные примеры из нашей жизни, избличающие наше неправославие. Я их долго не замечал, но они есть. Не замечал я их потому, что они или весьма отдаленно напоминают действительность, или лежат в области допустимого, на мой взгляд, разномыслия внутри православия. Коротко остановимся на этих моментах в том порядке, в каком рассматривает их сам о. Аркадий.

О. Аркадий: «Возникшие группы (о. Аркадий говорит о группах из разных городов – С. Смирнов), они в чем-то как-то соединены. О. Георгий говорит, что он благословляет того или

иного новоизбранного главу этой общины и имеет такую возможность – признавать или не признавать членом своего братства... То есть получается такая иерархическая, как и в церкви, структура, а не просто разобщенные какие-то общности». В данном случае о. Аркадий достаточно точно передает слова о. Георгия (см. 4, с. 94), но упускает «мелочь»: что о. Георгий говорит это, комментируя конфликтную ситуацию, некогда возникшую внутри его прихода. В результате право (и обязанность) пастыря давать или не давать пасомым – в том числе, и старостам «малых групп» – благословения выставляется как насаждение собственной «параллельной иерархии». В действительности, о. Георгий всегда ориентирует оглашаемых из других городов на местные приходы, на взаимодействие с местным епископом и местными священниками. Поэтому разговоры о каких-то «параллельных структурах» – или плод воображения, или результат неосведомленности, или клевета.

Рассказывая о выборах «глав», о. Аркадий цитирует тезис о. Георгия о том, что «главой» должен быть «тот, кто ближе к Богу», и двумя широкими мазками дорисовывает кощунственно комическую картину: «Община решает: кто ближе к Богу? Кто более, можно сказать, свят?» Так и видится что-то вроде профсобрания, с кандидатами, отводами, самоотводами, скукой и голосованиями. В действительности, все это не так. Я не слышал о том, чтобы при выборах «глав» обсуждалось, «кто более свят».

Но какой же тогда смысл имеет этот «принцип»? На мой взгляд, смысл один – напоминание. Напоминание о том, что авторитет в Церкви определяется не связями, не образованием, не житейским опытом и даже не саном. Хотя все перечисленное ценно, а священному сану в любом случае должно воздавать подобающую честь, все же именно в личной святости, в личной близости к Богу осуществляется цель христианской жизни. Именно поэтому православию чужд клерикализм, характерный для католической церкви. Но если клерикализм чужд православию, то не должны ли православные задумываться о том, что это значит для каждого из них? Не должны ли они учиться различать, по Богу ли живет и говорит епископ или священник, монах или мирянин?

Далее о. Аркадий заявил, что центром жизни создаваемых о. Георгием групп является не евхаристия, а агапа. Все остальное, что говорил о. Аркадий, тоже не казалось нам слишком справедливым, но это настолько прямо и настолько грубо противоречит самим основам нашей жизни, что мы все протестующе зашумели. О. Аркадий отреагировал очень просто. Он сказал: «Хорошо. Очень хорошо», – и продолжал гнуть свою линию.

Потом, поджимаемый регламентом, о. Аркадий скороговоркой перечислил другие наши прегрешения: реформирование богослужебного чинопоследования, общинная молитва «своими словами», самостоятельные толкования Священного Писания, русские переводы, женщины-"главы" и др.

Такой же скороговоркой отвечу.

Некоторые обвинения являются чистым недоразумением. Думаю, например, что никого не удивляет, когда настоятельницей женского монастыря является женщина. Что же удивительного в том, что в группе, состоящей почти сплошь из женщин, староста (или «глава») – женщина? Мне кажется, что о. Аркадий слишком поверил в свой тезис о «параллельной церкви». Только в том случае, если наших глав и старост уподоблять церковной иерархии, наличие глав-женщин может послужить дополнительным признаком нашего неправославия. Но поскольку ложна сама аналогия, то и сделанные на ее основе выводы мало чего значат.

О молитве «своими словами» и «собственных толкованиях» Писания хочу сказать две вещи. Во-первых, что они не вытесняют у нас канонических молитв и церковных толкований, а

напротив, занимают весьма скромное место (во многом из-за духовной лени).

Во-вторых, что излишняя самостоятельность, конечно, таит в себе духовные опасности. Но разве противоположная крайность их не таит? Так ли мимо цели бил Бердяев, когда иронизировал над «православными», считающими Евангелие баптистской книгой? Так ли безобидны плоды подобного «православия»? Но если люди в меру сил живут церковной жизнью, вместе со всей церковью молятся, постятся, приобщаются Святых Таин, то почему-то их «собственные» мысли становятся все больше похожи на церковные, а святоотеческие толкования – все более «своими». Почему-то происходит именно так.

Относительно реформирования богослужения скажу еще короче. Во-первых, о. Георгий не внес ничего, что не было бы давно принято в православной церкви, и даже более того – в Русской православной церкви (Московского патриархата). Это достаточно очевидно, если не ограничивать церковную традицию обычаями прошлого века. Во-вторых, если кому-то не нравится перевод о. Георгия, пусть поскорее предложит другой. Не с тем, чтобы повсеместно заменить им славянские тексты, а с тем, чтобы облегчить воспитанному в отрыве от своей церкви народу услышать Благую Весть. Потому что можно много (и достаточно справедливо) рассуждать о священности славянского языка, но эти разговоры не поколеблют одного простого факта: если церковь хочет говорить к народу, она должна говорить на его языке. Что всегда и делала православная церковь.

Конечно, многое в нашей деятельности может вызывать вопросы, это совершенно закономерно. Что-то может вызывать нарекания, это тоже естественно. Но, оценивая нашу жизнь, необходимо видеть, что в церковных обычаях есть пласты, на которых Церковь может не настаивать, облегчая столь многочисленным сейчас неопитам принятие Христа и Церкви. Такая «гибкость» вовсе не является угождением духу «века сего», ибо 20 век не более и не менее «сей», чем 19 или какой-то еще.

Открытость изначально была присуща Церкви. Достаточно вспомнить апостольский собор, постановивший – ни много, ни мало – не возлагать на обратившихся язычников иго Закона. Не могу себе представить, чтобы подобное постановление приняли организаторы конференции «Единство церкви».

6. Литература

1. Николай Герасимов (о. Георгий Кочетков). Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви. Вестник РХД. № 128.
2. С.Т. Богданов (о. Георгий Кочетков). Священство православных и баптистов. Вестник РХД. № 140.
3. Прот. Иоанн Мейендорф. Заметка о Церкви. Вестник РХД. № 142.
4. Община в Православии. Москва, 1994.

: Из интервью Святейшего Патриарха Алексия II

Церковная жизнь

Святейший патриарх Алексей II о конференции

Мы предлагаем фрагмент интервью со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II газете «Русский север» (Вологда, 5 мая 1995 г.), в котором он дает свою оценку деятельности конференции и вопросам, на ней поднимавшимся.

Вопрос. В прошлом году в Москве с Вашего благословения прошла конференция «Единство Церкви». Что стало причиной этого: процесс автономизации церквей на Украине и в Эстонии? Или нечто иное?

Ответ. (...) Что касается конференции, о которой Вы упомянули, она была созвана по инициативе Свято-Тихоновского богословского института и носила неофициальный характер. Духовенство Москвы хотело обсудить вопросы церковного единства на столичном уровне в связи с деятельностью священника Георгия Кочеткова. С его стороны была предпринята попытка внесения некоторых изменений в жизнь Церкви, в жизнь прихода – не касательно догматики и вероучения. То же самое и у священника Александра Борисова, который находится под влиянием протестантизма. В его книге «Побелевшие нивы» проводятся идеи: хорошо бы в храме сидеть во время богослужения, не нужно предалтарной преграды. Это все не существенно! Разномыслие может быть в Православии и мы к этим священникам никаких канонических мер не принимали. Я на собрании московского духовенства, выслушав даже порой резкие выступления в адрес этих двух священников, обещал, что с о. Александром Борисовым буду иметь беседу.

Между тем мы идем к тому, что в Церкви будут вноситься изменения применительно к жизни и современным задачам. Их надо осуществлять не от ветра головы своего отдельного человека, а решать соборным разумом вместе. И после последнего епархиального собрания г. Москвы такие встречи духовенства, посвященные разным вопросам, будут проводиться каждый месяц. В разномыслии опыта и мнений будет проясняться истина.

Архимандрит Зинов (Теодор): Письмо в Комитет по Государственным премиям России

Церковная жизнь

Милостивые государи!

Известие о присуждении мне Государственной премии было для меня полной неожиданностью. Я никогда не предполагал, что мое незначительное служение иконописца станет известным в культурных сферах и получит столь высокую оценку. Искренне признателен Вам за ту большую честь, которую Вы мне оказываете, но я – монах, и мои потребности во всех отношениях очень небольшие, поэтому прошу перечислить эти деньги на счет общины храма Успения в Печатниках в Москве, где настоятелем священник Георгий Кочетков. Духовный опыт этой общины необходим сегодня нашей Церкви, так как это – попытка как можно более полно совершать миссионерское служение в современном мире, а именно миссия, свидетельство и есть главное назначение Церкви. Я уверен, что пройдет немного времени, и опыт этой общины станет определяющим в жизни Русской Православной Церкви, которая, несомненно, обладает большими творческими силами, но которые по разным причинам еще не могут проявиться в полноте. Помочь этой общине я считаю своим долгом, т.к. их дело более необходимо сегодня

Церкви, чем мое, потому что Церковь – это прежде всего люди, сердца которых просвещены словом Истины. архимандрит Зиновий май 1995 Священник Георгий Кочетков, община, прихожане храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, православное просветительно-благотворительное братство «Сретение» сердечно поздравляют архимандрита Зиновия (Теодора) с присуждением ему Государственной премии в области изобразительного искусства и благодарят его за братскую поддержку и жертвование денежной части премии на нужды нашей общины.

: Конференция «Единство Церкви»

Церковная жизнь

Москва, ноябрь 1994 года С 15 по 16 ноября 1994 года в Москве в гостинице Даниловского монастыря проходила конференция, ставшая, по мнению всех ее четырехсот участников, узловым моментом в жизни Русской Православной Церкви постсоветского времени. Она впервые с предельной ясностью выявила реальное положение российской церковной жизни. Мы еще долгое время не будем знать, что происходило за ее кулисами, но одно уже ясно – на конференции вскрылся нарыв, который образовался из-за того, что реальные проблемы церковной жизни не решались долгое время. Конференция была организована Свято-Тихоновским богословским институтом, чтобы московское духовенство (а вслед за тем и вся церковь) могло обсудить практику, сложившуюся в приходах храмов свв. Космы и Дамиана (настоятель священник Александр Борисов), и Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках (настоятель священник Георгий Кочетков). Устроители конференции и солидарные с ними круги считают деятельность этих приходов огромной опасностью для церкви. По мнению же других церковных людей – наоборот, эти приходы – свидетельство «подлинного духовного пробуждения, в котором так нуждается наша приходская жизнь» (митр. Сурожский Антоний). Конференция называлась «Единство Церкви» и, по замыслу организаторов, должна была обличить деятельность вышеупомянутых приходов как разрушающую это единство и провоцирующую раскол. Но думается, что единство церкви, заповеданное Господом – «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин 17: 21), нарушается только оскудением любви. Евангельское обличение, проистекающее от избытка любви, связано с сугубым желанием услышать обличаемого, понять его и значит – с сугубым терпением. Учитывая принципиальную заинтересованность «обвиняемых» в диалоге, можно сказать, что шанс для этого был. Что же помешало ему реализоваться? Маленькая ложь, которая родила большое недоверие. Организаторы, готовя обличительные материалы, не поставили о них в известность тех, кого пригласили на конференцию в качестве обвиняемых. Также помешала диалогу неправда, которая содержалась в выступлениях многих докладчиков, желавших защитить истину. Но как писал праведный протоиерей Александр Васильевич Горский, «стыдение лица той науке, которая хочет защищать истину ложью». Поэтому создалось устойчивое впечатление, что конференция проходит под девизом «цель оправдывает средства».

Виктор Котт.

Матушка Евгений (Четверухина): Поездка на Красную Вишеру. Последнее свидание с

батюшкой Ильёй Николаевичем (май 1932 года)

Дневники, письма, воспоминания

* В рукописи дневника, к сожалению, имя жены художника Ильи Николаевича Четверухина не указано. (Прим. ред.)

БЫЛА весна 1932 г. Прошло уже полгода моей разлуки с батюшкой. В тот год Пасха была поздняя — 18 апреля. На Пасху мне передали добрые мои друзья, что с Красной Вишеры вернулась одна женщина и привезла мне записочку от батюшки. Батюшка настойчиво просил меня непременно к нему приехать. Его сердце, вероятно, предчувствовало, что свидание наше будет последним. Получив записку батюшки, я бежала домой, от радости не чувствуя под собой ног, такой счастливой я себя сознавала. Я должна была приготовить свой багаж. Побежала купить себе корзинку для провизии, купила разных вкусных вещей, да и духовные дети наносили мне всякой всячины. Тронул меня владыка Варфоломей, который прислал мне на дорогу 50 рублей. На вокзал меня провожали многие близкие мои друзья. Помню, как все были веселы, как все по-христиански радовались за свою матушку. Каждый посылал батюшке что-нибудь сказать или спросить. Я старалась все хорошенько запомнить. А некоторые написали большие письма, которые мне надо было дорогой прочитать и подробно пересказать батюшке их содержание. В вагоне мне досталось очень неудобное место — боковое, наверху, около окна. Очень трудно было мне туда залезать, но на следующий день освободилось место внизу, и я туда перешла. Соседи были хорошие, услужливые, и я чувствовала себя всю дорогу под покровом Ризы Господней. Приехав к о. Леониду перед отъездом проститься, я получила от него указание — приложиться в его храме к Ризе Господней, и батюшка о. Леонид обещал мне, что Господь будет меня покрывать во весь мой путь, туда и обратно, Своей Пресвятой Ризой.

Вечером 9 мая поезд привез меня на станцию Усолье-Березняки. Мне помогли перенести вещи на пристань, и там мне пришлось просидеть всю ночь на открытом воздухе в ожидании парохода. Была холодная ветреная погода, временами шел дождь и мокрый снег. Я не могла нигде притулиться, чтобы вздремнуть, и то садилась на свои вещи, то начинала ходить взад и вперед по пристани, чтобы немного согреться. Тут я познакомилась с одной бедной-бедной матушкой, В.А. Копыловой, ехавшей так же, как и я, на Красную Вишеру — на свидание со своим мужем. С ней мы сразу сошлись и решили ехать вместе в одном купе. В шесть часов утра, наконец, пришел пароход и повез нас до конечного пункта нашего пути. Совершенно иззябшие, разместившись в каюте, мы напились горячего чаю и, укутавшись, как могли, потеплее, улеглись на диваны. Окно оказалось разбитым. Мы его, как сумели, загородили и поспали после совершенно бессонной ночи с большим удовольствием. Целые сутки вез нас пароход по реке Вишере, и в шесть часов утра 11 мая мы приехали на пристань «Красная Вишера». Сойдя с парохода, я встретила одного только что освобожденного заключенного, от которого узнала, что, хотя многих здесь находившихся перевели в другие лагеря, мой батюшка остался здесь. Не помню, этот ли человек или другой кто помог мне донести вещи до комендатуры, где мы стали ожидать осмотра наших вещей и получения права на свидание. Я чувствовала себя почти счастливой. Мне было как-то весело, когда стали просматривать то, что я везла. У меня был с собой пузырек с крещенской водой для батюшки, были и другие святыни. О святой воде, когда меня спросили, что это такое, я сказала: «Для вас это простая вода, а для меня она — святая, и я прошу вас мне ее оставить, она для меня — лекарство». Мне ее оставили. Но когда увидели мое Евангелие, его у меня отобрали, как я ни просила его мне отдать. Тогда я взяла с них слово, что они его мне вернут, когда я поеду обратно. Мне обещали. Потом взяли у меня деньги, дали

расписку и, наконец, проводили меня в дом, где проходили свидания с заключенными. В комендатуре я написала заявление о предоставлении мне свидания с мужем. И дали мне свидание на четыре дня, так называемое «общее», т. е. по несколько часов в день, без ночевки, тогда как другим позволяли и ночевать. Мой батюшка был перегружен работой, в то время он был табельщиком на пристани, откуда гнали по реке лес. Умывшись, приведя себя в порядок, одевшись получше, покушав и приготовив вкусный обед на общей плите, я стала ожидать прихода моего батюшки. Однако в этот первый день ему не было передано разрешение на свидание со мной, и он ко мне не пришел. На следующий день я снова стала ждать его. Привезя с собой белые сухари, я намочила их в молоке, поджарила на русском масле, намазала принесенным кем-то из духовных детей вареньем и стала ходить около дома, но тщетно. Я ходила и все время молилась, вглядываясь вдаль и ожидая его прихода. Уставши от хотьбы, я приходила к своей койке, садилась для отдыха на несколько минут и снова начинала ходить взад и вперед. И вот, наконец, когда я, усталая, снова присела на свою койку, было часов пять вечера, вдруг отворилась дверь и показалась высокая худощавая фигура в желто-коричневом пальто — мой самый дорогой друг, мой батюшка! Я услышала его слова: «Тут Четверухина?» Стрелой бросилась к нему я навстречу со словами «Христос воскрес!» и просила меня благословить. Батюшка отказался это сделать (тут были мои соседки, посторонние для нас люди), сказав, что тут он только заключенный. Как горько прозвучали его слова, как больно сжалось от них мое сердце! Я обняла его за шею и мы поцеловались. Я попросила батюшку сесть. Он, как был с своим поношенном, не по голове, маленьком картузе, сел на мою койку, а я присела к столу на табуретку у окна. Он сейчас же стал спрашивать о детях. Соседки с любопытством его рассматривали и некоторое время очень нас стесняли своим присутствием. Наконец, они по очереди удалились, за что мы были им очень благодарны. Когда они ушли, батюшка сказал мне, что теперь он может меня благословить, и, сняв картуз, благословил. Мы заговорили. Я налила ему и себе чаю, подвинула свое угощение. Батюшка пил чай, кушал жареные сухари, а я, слушая его горький рассказ, не могла и глотка чаю проглотить — чай сделался холодным, не до него мне было в тот вечер, когда я наконец получила возможность сидеть возле моего батюшки и слушать его, и смотреть на его исстрадавшееся и сильно похуевшее лицо. Он был очень переутомлен. Приходилось с шести часов утра выходить на работу в свою хибарку на пристань, в восьмом часу к нему шли десятские, и заканчивал он только часов в десять-одиннадцать вечера. Глаза его были воспалены от недостатка сна и от пыли из-за сильнейших ветров — берег Вишеры покрыт мелким песком. А лицо его было красное — обветренное, как объяснил мне батюшка. В течение шести вечеров, что мы с ним виделись (нам было прибавлено по просьбе батюшки еще шесть часов свиданий, и мы их разделили на два дня), батюшка рассказывал мне о себе многое. Каждый день он вспоминал что-нибудь недосказанное и пополнял им свою повесть. Прожив с батюшкой более двадцати лет, я знала все его привычки, часто читала его мысли, угадывала желания. Он, бывало, только начнет что-нибудь говорить, а я за него dokonчу. И на Вишере, после полуторогодовой разлуки, мне казалось, что мы с ним не разлучались. Я, как и раньше, с полуслова его понимала. Это меня очень радовало. Вспоминались слова из канона на день св. Пятидесятницы — «Разлучения вам не будет, о други...» И теперь, когда батюшка скоро 15 лет как отошел к Господу, я не чувствую с ним разлуки, я точно продолжаю жить одной жизнью с ним. Я часто слышу внутри себя его ободряющий голос, когда переживаю какие-нибудь жизненные трудности: «Ничего, мамаша, ты у меня молодец». Так он мне, бывало, говаривал, живя со мной. И легче мне становится от этого. А если что я делаю не так, как надо, как хотел бы он, вижу во сне, что он где-то далеко от меня и больно сжимается от этого сознания мое сердце и во сне. Батюшка говорил мне, что чувствует себя исколоченным, но не искалеченным. Прежде, когда жил со мной, он плохо помнил наизусть благодарственные тропари. Теперь же он их хорошо знает. Духовником его на Вишере был архимандрит Донского монастыря о. Архипп. Исповедоваться удавалось совсем в необычной обстановке: колют вместе дрова, например, и батюшка в это время исповедует свои грехи, а по окончании исповеди, о. Архипп положит на

его голову свою руку и прочтет разрешительную молитву. А молиться, класть на себя крестное знамение и причащаться Св. Тайн можно было только лежа на нарах и закутавшись с головой одеялом. С большой любовью вспоминал батюшка об о. Гаврииле, о его прямоте, за что его часто сажали за проволоку, и о его угощениях. Однажды в Прощеное воскресенье не было у батюшки ничего скоромного, а хотелось по православному обычаю заговориться. Грустный ложился батюшка спать в тот вечер. И вдруг чья-то рука просовывает к нему под одеяло две сдобные лепешки. Это добрый о. Гавриил получил посылку, вспомнил о своем друге и захотел его утешить. Говорил батюшка и об окружавших его в последней роте добрых людях, приводя слова из послания апостола: «Друг друга честью больше себя творяще». Мыть полы должны были все по очереди, но соседи, уважая батюшку, освободили его от мытья полов — обязанностью его было только посыпать пол опилками и носить горячую воду для мытья (10 ведер в день). Вспомнил батюшка ту первую ночь после ареста, когда его привезли в Бутырскую тюрьму. В комнате, или «собачнике» как ее называли, было столько людей, что негде было и прилечь на полу. Кто-то посоветовал батюшке лечь под нары. Залез туда батюшка, а пол-то весь заплеван. И вспомнились батюшке так любившие его духовные дети. Что бы они сказали, если бы увидели своего батюшку в таком унижении? И заплакал мой батюшка при таком воспоминании. Потом в Бутырской тюрьме нашелся добрый юноша — Андрюша Штерн. Он уступил батюшке свое место на верхних нарах, но оно было очень узко — всего одна доска, да еще около «параша». Рассказывал батюшка, что шпана в тюрьме его обкрадывала. Сливочное масло, которое я ему послыпала никогда до него не доходило: или растает в дороге, или испортится, или его украдут. По приезде на Вишеру батюшка был определен на «общие» работы, т. е. на тяжелые физические. Сначала приходилось в сорокаградусный мороз копать землю, которая едва поддавалась только лому, затем пилить бревна, потом выгрести из под лесной машины опилки, а для этого — то и дело нагибаться к полу. И эта последняя работа настолько утомляла батюшку, что однажды он в изнеможении упал на опилки и не смог сам подняться. Его отправили в больницу, где он пробыл более двух недель. Едва только выписали батюшку из больницы, он должен был идти в командировку в Булатово, что в 54 км от Вишеры. А силы его еще не восстановились после болезни. Начальство, отправляя работать заключенных, обещало, что они пойдут с отдыхом и будут проходить лишь по 17 км в день. Но на деле вышло иное. Им пришлось сделать этот тяжелый переход за одни сутки. Была зима, и можно себе представить, что они, бедные, испытали, идя так долго по глубокому снегу в лесу. Один заключенный так выразился: «Я всегда любил лес, а теперь его ненавижу» — и погрозил ему кулаком. В конце пути батюшка, совершенно обессиленный падал на снег через каждый пять шагов, других же тащили под руки конвоиры. Наконец, поздно ночью доползли до Булатова. Для ночлега отвели пустую нетопленную избу с выбитыми стеклами. Лег мой батюшка на пол, и нечего ему было подложить под голову, нашелся только какой-то сломанный ящик. Ныло все тело, и холод сковывал все члены. Какой же сон мог быть! Пришло утро. Погнали всех пилить хвойный лес. Батюшка не знал, как и взяться за пилу — никогда он не был на такой работе. Снег был в лесу по грудь, и, прежде, чем начав пилить деревья, надо было его притоптать. Батюшка стал объяснять начальнику, что он не может выполнять такую работу и просил дать ему канцелярскую. В ответ на это начальник стал язвительно говорить ему: «Ты опять филонишь. Я тебя еще на Усолье заметил. Ты и там все от работы отлынивал». А батюшка мой на Усолье-то и не был никогда, только мимо проходил. И пришлось ему, моему дорогому, покориться, и начал он вместе с другими валить лес. И катал он бревна до тех пор, пока не сломалась палка. Тут снова на него посыпались ругательства и клевета. Однако вскоре приехал другой начальник. Нужно было вести отчетность. Увидя батюшку, он его позвал: «Эй ты, очкастый, грамоте учился?» «Учился». «Арифметику знаешь? Будешь табельщиком». На Страстной неделе приехало новое начальство и велело написать полный отчет о проделанной работе. Был Великий пяток. Всю ночь на Великую субботу составлял батюшка отчет, а приехавший начальник крепко спал тут же в избе. И вспоминал батюшка свой родной храм, стоящую посреди него св. Плащаницу и то, что мы, его родные, его присные, молимся вокруг

лежащего во гробе Спасителя и поем над Ним погребальные песни. Не без воли Божией пришлось и нашему батюшке не спать в это святую ночь. Только к утру отчет был батюшкой окончен, а он был очень велик. Батюшка положил его на столе около спящего начальника, а сам где-то прикорнул и крепко, измученный, уснул. К 1 мая батюшка вместе с другими заключенными вернулся на Вишеру. Вскоре послали батюшку на общие, очень тяжелые работы. Надо было, выполняя большое задание, с семи часов утра до одиннадцати вечера таскать по две толстых доски с берега на баржу. Это делали два заключенных. Чтобы успеть выполнить вовремя задание, на берег поднимались чуть ли не бегом. К концу дня плечи были до крови натерты, не было во всем теле ни одного здорового места — все болело. В первый день задание было выполнено на 100%. Однако на утро, когда заключенных снова послали на ту же работу, они сговорились таскать по одной доске — уж очень болели израненные плечи. К одиннадцати часам вечера было выполнено только 75%. Пришло начальство и стало приказывать закончить задание, а они сели на пенечки и целый час спорили. Однако пришлось уступить и заканчивать недоделанное ночью. Только в три часа ночи закончили, а в пять часов надо было вставать. У батюшки были в эту ночь необычайно тяжелые религиозные переживания. Ему казалось, что Бог его забыл, оставил. И в глубокой тоске он возопил: «Господи, Пресвятая Богородица, святитель Николай, я всегда вам молился, и вы мне помогали, а теперь, видите, я совсем изнемог, я готов умереть на этой непосильной работе, а вы меня забыли. Ну что же? Мне больше не просить вас ни о чем?» Лег на свои нары батюшка, спать не мог от сильной боли во всем теле и горько заплакал. Но к утру душа вдруг снова замолилась, смягчилось сердце, и снова явилась обычная преданность и вера в Промысел Божий. «Нет, Господи», — шептал он, — «хотя бы я и умирал в своих страданиях, я никогда не перестану молиться и верить Тебе». И тут произошло чудо. В шесть часов утра все пошли на переключку, чтобы идти на работу, и батюшка ждал своей фамилии. Произнеся фамилию «Четверухин», начальник запнулся и вспомнил, что батюшку требовали в УРЧ для какого-то дела. Оказалось, что батюшка потребовался для написания отчета о работе в Булатове. Так как очень трудно было восстановить все факты, на это потребовалось несколько дней. Таким образом, Господь избавил батюшку от непосильной для него работы по погрузке досок на баржи. По Промыслу Божию трудная для него командировка в Булатово принесла ему и пользу — избавила его от тяжелых трудов. Слава Богу за все! Трудно мне сейчас отчетливо вспомнить, что и в какой день мне говорил батюшка. Он вспоминал то одно, то другое. Но, конечно, сначала он мне говорил о самых тяжелых переживаниях, а напоследок — уже о более легких, незначительных, а я старалась все запомнить. В первый день или, вернее, вечер мне особенно ярко запомнились наше прощание и разговор. В то время на Вишере были белые ночи. Часов около одиннадцати вечера я вышла, чтобы проводить недалеко моего батюшку. Было ясное, безоблачное, светлое небо, на далеком горизонте чуть алела заря. Стоя во весь свой высокий рост на фоне этого светлого неба, батюшка мне говорил, отчеканивая каждое слово: «Ты в своих письмах часто занимаешься совершенно бесполезным занятием — считаешь, сколько времени прошло со дня нашей разлуки и сколько еще осталось до моего возвращения домой. Я этого не жду. Я уверен, что в вечности мы будем с тобой вместе, а на земле — нет. Мне, вероятно, дадут еще 3 года. Здесь я прохожу вторую духовную академию, без которой меня не пустили бы в Царство Небесное. Каждый день я жду смерти и готовлюсь к ней». Батюшка говорил все это совершенно спокойно, но каждое его слово точно молотом тяжелым било по моему наболевшему сердцу, но я не возражала, я все это выслушала молча и только крепко запомнила его слова. После подачи отчета за батюшку стал хлопотать протоиерей о. Гирский, тоже заключенный, чтобы определить батюшку на комбинат «Вишхимз». И хлопоты эти увенчались успехом. Батюшка был определен санитаром в больницу, но это была только одна из его многочисленных обязанностей. Он был и делопроизводителем, и регистратором, и еще много всяких обязанностей пришлось ему выполнять. Приходилось моему батюшке в продолжение почти восьми месяцев трудиться часто по шестнадцать часов в день без выходных. Одно только было хорошо: ему дали отдельный кабинет, где была печка, на которой он мог

себе скипятить воду для чаю и около нее погреться. Да и приятно было быть одному, без народа. Все, начиная от самого главного начальника, а также врачи, сестры и санитары оценили батюшку как усерднейшего работника и как прекрасного человека и полюбили его. Но кому-то это было неприятно. Грубый завхоз, желая иногда уязвить батюшку, называл его «санитаришкой». Иногда выдавались особенно тяжелые дни, когда приходилось писать отчеты или подавать ставки. Батюшка был еще и секретарем на еженедельных конференциях по субботам. Однажды на батюшку наклеветали, будто он участвовал в какой-то пирушке, и его арестовали, посадили в изолятор. Помещение было неотапливаемое, с выбитыми стеклами. Бегали крысы. Батюшке не говорили, в чем он виноват, а когда за него кто-то хотел попросить, ему ответили, что батюшка — величайший государственный преступник. В первый день в изоляторе, куда посадили батюшку, была одна только «шпана», и было очень тяжело, но на следующий день его перевели в особое, изолированное от других помещение. И там батюшка ожил и был даже счастлив. Он мог без боязни положить на себе крестное знамение, и, подобно Давиду, скачущему перед Ковчегом Завета, батюшка скакал от духовной радости. Тем временем началось следствие. Стали поочередно вызывать из больницы Вишхимза весь медперсонал и младший штат служащих и допрашивать о батюшке. И все как один давали самые лучшие отзывы о батюшке, так что изолятор послужил лишь на пользу батюшке — для вящей славы Божией и на посрамление его врагов. В Вишхимзе с батюшкой работал художник Кирсанов. Он так привязался и полюбил батюшку, что написал его большой портрет. Жаль только, что он не успел его отделать — это было как раз перед изолятором за три дня. Этот портрет батюшка с позволения начальника отдал мне, сказав: «Возьми домой. Будете на него смотреть и меня вспоминать». И просил вделать его в золотую рамку, как рекомендовал Кирсанов. Я так и сделала и, глядя на батюшку, всегда вспоминаю его слова, сказанные таким грустным голосом. Батюшка просидел в изоляторе (это было в конце января 1932 г.) 20 дней. По его словам, в изоляторе он обрел «мир души» — так говорил он своим друзьям, когда, спустя некоторое время он по каким-то делам шел мимо них. «Что, тяжело вспоминать?» — спросили его. «Нет, — ответил батюшка, — тут я нашел мир души». Обрящут покой только те, кто научился кротости и смирению. И батюшка научился этим добродетелям и обрел мир и покой своей душе. Когда я шла с батюшкой, все проходившие мимо почтительно сторонились при виде его. Было заметно, что батюшку уважают все, кто только его знал. Меня же многие называли «матушкой», даже из начальников, конечно, ради почтения к батюшке. В Вишхимзе стало очень заметно отсутствие усерднейшего работника, каким был мой батюшка, которому можно было доверить любую запутанную и сложную бумагу, любой отчет. Он все выполнит как следует и заслужит своей работой похвалу и одобрение начальства. И стали из Вишхимза просить вернуть батюшку назад, несколько раз просили, но его не пустили. Вместо него был назначен человек совсем другого сорта. Вел он себя по-барски и кончал работать в пять часов вечера. Таким образом, отчет за январь был подан только в мае. И вообще, говорил мне батюшка, после его ухода из Вишхимза его работу выполняли восемь человек, а он один тянул эту лямку в продолжение восьми месяцев. Где же найдешь такого работника? Вскоре многих заключенных стали переводить на общие работы, и только как исключительного работника по просьбе помощника начальника БВР — Н.В. Виссарионова батюшку устроили главным табельщиком. Но это была такая ответственная работа, что — или пан, или пропал, как сказал мне батюшка. Во время выполнения этой работы я и приехала на Вишеру. Батюшка работал до одиннадцати часов вечера, а с шести часов вечера приходил его помощник и работал всю ночь до шести утра — такая была горячая пора сплава леса по реке. Батюшка говорил мне, что это дело подходит к концу, и его просят уже на работу в двух местах. Недаром, когда он подал заявление о свидании со мной, начальник написал о нем в характеристике как об исключительно добросовестном работнике. Когда я гостила на Вишере, батюшка уже пользовался хорошим столом как штурмовик и мог даже приносить мне кое-что из продуктов: хлеб, селедку и даже банку с мясными консервами. Приходил он ко мне в пятом часу вечера, я его ждала с обедом, мы вместе с ним кушали, пили чай, а затем гуляли по берегу Вишеры или

сидели около дома на скамейке. Я ему рассказывала о его родных и духовных детях, передала ему все их просьбы. С какой отеческой любовью вспомнил батюшка о каждом своем детище, каждому просил передать его благословение и низкий поклон, говорил, что все они по-прежнему живут в его сердце, всех сердечно благодарил, особенно за любовь ко мне, его матушке. Он просил каждому отдельно сказать, что он его помнит любит и благодарит. Некоторым духовным детям батюшка велел со всеми их нуждами обращаться ко мне. Конечно, у него было определенное предчувствие, что домой он уже не вернется. Батюшка рассказывал мне, что он видел в ссылке много унижений, перенес много обид, тяжелых работ, слышал клевету, насмешки, но в то же время видел уважение, внимание, любовь и нежную заботу как от единомышленников, так и от «шпаны» и начальства. Как-то, гуляя с батюшкой по берегу Вишеры, я подняла с земли сосновую щепку. «Я возьму на память о твоём здесь пребывании и о твоей тяжелой работе», — сказала я батюшке. Точно кусочек его гроба я привезла с собой в Москву. Все пережитое, все глубоко скорбное и тяжелое сделало батюшку еще более религиозным. Раньше он был религиозен более разумом, а теперь всей душой и всем сердцем полюбил Господа Иисуса Христа. «Нет Его краше, нет Его милей», — говорил он мне. Когда я как-то заговорила о будущем, если все же он вернется домой, батюшка высказал свое желание: «Наверное, в Москве мне уже не позволят жить. Ну что же, мы с тобой поселимся где-нибудь в небольшом городке, и сыновья будут нам понемногу присылать каждый месяц. Авось и прокормимся мы с тобой. Господь не оставит нас». Батюшка говорил, что теперь он стал гораздо ближе к народу, больше понимает людей, и если вернется, то будет гораздо снисходительнее к ним. Я замечала, когда мы с ним гуляли или сидели на скамейке, что как только батюшка увидит издали кого-нибудь из своих знакомых, он сейчас же начнет улыбаться, снимать шапку и приветливо кланяться. И все его знакомые также его ласково приветствовали. Как-то он, увидев в окно доктора С.А. Никитина, указал мне на него и назвал его «ангелоподобным». Этот врач был раньше председателем приходского совета в храме св. Николая в Клениках, где настоятельствовал о. Алексей Мечев. И привелось моему батюшке последнее время перед кончиной работать под начальством этого врача, быть ему помощником. С.А. Никитин потом был у меня и рассказывал о своем последнем разговоре с батюшкой накануне его трагической кончины. Батюшка сказал, прощаясь с ним: «Прохор Мошнин (преп. Серафим) так говорил: «Стяжи мир души, и около тебя тысячи спасутся». Я тут стяжал этот мир души, и если я хоть маленький кусочек этого мира привезу с собой в Москву, то тогда буду самым счастливым человеком. Я много лишился в жизни, и уже не страшусь никаких потерь, и каждый день готов умереть. Я люблю Господа и за Него готов, хоть живой, на костер». На другой день слова эти сбылись — батюшка сторел. В первую зиму на Рождество батюшке было особенно тяжело оттого, что затеяли у них в роте антирелигиозный диспут. Батюшка нарочно лег пораньше на свои верхние нары, чтобы ничего не слышать, и накрылся с головой одеялом. Вдруг кто-то вспомнил о нем: «Тут есть поп, пусть он выступит на нашем диспуте». Батюшка сказался больным и решительно отказался выступать в обществе безбожников. Один Господь знает, что переживало его сердце, так горячо любящее Господа, слыша грешные словопрения. Батюшка говорил, что благодаря физической работе мускулы на руках у него теперь крепкие и даже сердце его стало лучше — он может пробежать и не ощущает одышки. Друзья выхлопотали, чтобы батюшку перевели в наиболее культурную роту, но воспитатель роты отнесся к нему очень грубо, сказав, что в ней только высококвалифицированные работники и что «санитаришке» здесь не место. Только кто-то из добрых людей успокоил батюшку и предложил остаться в этой роте. Слава Богу, отношение начальства понемногу смягчилось и воспитатель потом даже полюбил батюшку. Батюшка говорил, что Вишеру можно рассматривать с трех сторон: 1) «шпана», пьянство, обиды, насилие, бесчеловечное отношение, побои, 2) целый сонм самых прекрасных людей и 3) с точки зрения того, как это все переживалось, отражалось и преломлялось в батюшке. Он всегда чувствовал милость и любовь Божию, дивный Его Промысел, и поэтому сам делался ближе к Богу и любил Его все больше и больше. Никакой внешней религиозности он проявлять

не мог, но внутри, в душе, он стал еще более религиозным, чем раньше. Он говорил мне, что, живя на Вишере, он себя чувствует несколько подобным живущим в монастыре. «Ведь тут как раз упражняешься в тех добродетелях, которые требуются от монаха, когда он принимает постриг: полное отречение от своей воли, нестяжание и целомудрие». И действительно, на Вишере батюшка проходил новую духовную академию, более совершенную, чем та, которую он окончил перед принятием сана священника. Мой приезд батюшка сравнивал с целебным бальзамом, с вином и елеем на его измученную душу. Я заметила у него в лице резкую перемену: когда я приехала, выражение его лица было горькое, а когда уезжала, оно было светлое, мирное, довольное. Много мне рассказывал батюшка о своем житье-бытье, да всего и не вспомнишь. Когда он работал в Вишхимзе, ему пришлось однажды послужить одной больной. Она, туберкулезная, лежала в больнице, была очень плоха уже, и захотелось ей перед кончиной исповедаться и причаститься св. Тайн Христовых. Но как это сделать? Она заключенная. Батюшка помог ей. Он пришел к ней как санитар, долго с нею беседовал, исповедал ее и даже причастил св. Тайн. Нельзя передать того счастья, которое испытывала эта страдалница. Вскоре она мирно скончалась, и родным удалось над ее могилой поставить крест. Там же был похоронен и иеромонах Антоний (Тьевар), бывший ученик проф. И.В. Попова. Обе эти могилы украшались с любовью. 17 (30) мая батюшка был у меня в последний раз. И хотя мы с ним обо всем уже переговорили и простились, ему хотелось придти на следующий день на пристань, чтобы увидеть меня еще раз. Рано утром нам велено было уложить вещи и идти. Однако перед отбытием снова надо было пойти в комендатуру для осмотра вещей. Сначала перечисляли фамилии тех, у кого окончилось время свидания. В комендатуре не задержали. Пересмотрели вещи, вернули деньги. Я попросила вернуть мой Новый Завет, но оказалось, что тот человек, у кого он хранился, ушел на пристань. «Вы там его увидите», — сказали мне. И действительно, я его встретила на дороге, недалеко от пристани, и очень просила его с кем-нибудь прислать мне мою книгу. Спасибо этому человеку, он не забыл моей просьбы, кто-то мне передал мой Новый Завет. Меня тронуло и то, что он просил найти на пристани «матушку» и ей передать. День был ветреный, холодный. Я то ходила по пристани, то уходила внутрь помещения погреться и все ждала моего батюшку. Он не приходил. Я боялась, что больше уже не увижу его. Часов в шесть вечера пришел пароход, началась посадка и тут вдруг, когда я уже с вещами поднималась по мосткам на пароход, увидела знакомую фигуру батюшки. Он шел по берегу. Забывши все, я бросила на мост вещи и побежала навстречу. Я забыла, что мой батюшка уже не имел права на свидание со мной сегодня и, обвинив его шею руками, поцеловала его, говоря: «Я все-таки поцелую тебя в последний раз. Прощай, мой дорогой». И тут же оторвалась от него и так же быстро побежала обратно к вещам. На берегу стоял кто-то из начальников и видел наше прощание, и, как я узнала позже, дали батюшке дня на три изолятор. Но тогда я этого не знала, я простилась с ним... до будущей вечной жизни. Батюшке разрешили остаться на берегу от отхода парохода. Я устроилась в каюте, кому-то из соседок поручила присмотреть за моим багажом, а сама до последней возможности стояла на борту парохода и смотрела на батюшку. Изредка мы с ним переговаривались. Я его ободряла, говорила, что его скоро отпустят, что он вернется домой. Он был совершенно спокоен, лицо мирное, совсем не такое, как когда я его увидела в первый раз. Наконец, раздался резкий продолжительный гудок, сняли канаты, пароход, чуть колыхаясь, стал медленно отчаливать от пристани. Я крикнула моему батюшке: «Уповай на Господа, уповающего же на Господа милость обыдет...». Больше уже ничего нельзя было ему сказать — он не услышал бы. Все быстрее и быстрее шел наш пароход, расстояние между мной и батюшкой становилось все больше, а он делался все меньше. Приходилось напрягать зрение, чтобы яснее видеть черты его лица, его фигуру в желтом пальто. Наконец, уже она стала совсем маленькой. Вижу, что батюшка повернул от пристани и пошел по берегу, и больше его не стало видно. Я перекрестилась сама, перекрестила издали его и, сказав: «Слава Богу за все», вернулась к себе в каюту. Там я нашла своих спутниц горько плачущими — они тоже простились со своими мужьями. Я не плакала. Глубокий мир сошел на меня здесь, на Красной

Вишере. Я все отлично сознавала, но слез у меня не было, а была полная преданность воле Божией и глубокая вера в Его св. Промысел. Как могла я стала утешать бедных женщин и вскоре достала из сумки приготовленную чистую тетрадь и стала записывать в нее все, что пережила, что видела и что слышала. Не буду описывать приключений в дороге, а расскажу только о том, что я пережила, проезжая мимо моей родины — г. Ярославля. Мимо него мы должны были ехать ночью, часов в двенадцать. Мне хотелось хоть через окно увидеть этот родной мне город, о котором так много рассказывала моя мама. Долго я боролась со сном, но не выдержала и заснула часов в одиннадцать вечера. И увидела во сне, что наш поезд замедляет ход и едет по мосту через широкую реку, мимо ярко освещенных улиц. Я спросила кого-то из пассажиров: «Что это за город?» Мне ответили: «Ярославль». Едва остановился поезд, я соскочила и пошла по улице. И вижу: стоит большая карета и шестерка лошадей, точно как у нас в Москве возили в такой по городу Иверскую икону Божией Матери. Я кого-то спросила: «Кого возят в этой карете?» Мне пояснили, что в Ярославле особо чтут икону Знамения Божией Матери как чудотворную. Вот ее-то и возят по домам. И вдруг я увидела очень близко перед собой на воздухе мою родную иконочку — тоже Знамение Божией Матери, которою благословил меня мой крестный отец после таинства св. крещения, положив ее мне на грудь. Я тотчас же проснулась и, вскочив на ноги, подбежала к окну. поезд замедлял ход, ехал по мосту, видны были ярко освещенные улицы. Все, как во сне. Это был Ярославль, моя родина. Вспомнился мне только что виденный мною сон и поняла я, что Царица Небесная снова берет меня под Свой дивный Покров. Она не забыла меня и не оставит особенно теперь, когда я снова в разлуке с моим мужем. Покров и помощь Божией Матери я постоянно чувствую на себе и на моих детях и внуках. Она — неложная, Она — верная наша Покровительница, Она особенно жалеет всех вдов и сирот. Все это было пятнадцать лет тому назад. Много воды утекло за эти годы, много пришлось пережить горя, потерять мужа, сына, но не оставляет меня Своей помощью Мать Божия и, верю, не оставит до конца. Она дает мне силы, бодрость духа, Она дает мне пищу и духовную и материальную. И вот, живу я уже 64-й год на свете. Буди имя Господне благословенно отныне и до века. Аминь.

Марина Кириллова: Вкусите и видите, яко благ Господь (о протоиерее Александре Ильине)

Дневники, письма, воспоминания

«Церковь будущего состоит из любви.» Протоиерей Александр Ильин Пришло время, и Господь благословил мою духовную сестру поехать в качестве корреспондента в Новгородскую епархию. Она пригласила меня с фотоаппаратом, а я с радостью согласилась: Новгород — моя родина. Поездка была столь захватывающая, что просто задыхаешься: и монастыри, и общение с опытными пожилыми монахинями и с молодыми послушницами, встречи с известными священниками, с духовником епархии, поход по страшному болоту в пустыньку, где с 1900 по 1984 г. жили в полной изоляции несколько поколений подвижниц по благословию о. Иоанна Кронштадтского. И прекрасно жили! Ни коммунисты, ни фашисты не нашли. А не были ли эти подвижницы сектантками, «иоаннитками»? Нет. Были ли они в евхаристическом общении с Церковью? Да, были. Оказывается, изоляция была неполной, и священники знали о них и их причащали. В те времена — это большая степень доверия. Среди этих священников был и тот, о ком пойдет речь. Мы познакомились с замечательной христианской семьей — мать и дочь (отец, тоже глубоко верующий человек, умер светло год назад, через полчаса после Причастия, возле храма, в окружении семьи, при молитве духовника). Знакомство состоялось в палисадничке

возле двухэтажного дома на Рогатице, совсем близко от Спасо-Преображенского храма на Ильиной улице с прекрасными фресками Феофана Грека. Разговор с пустынною переходит на священников, которые знали о них и к которым подвижницы ходили на исповедь и к Причастию. Конечно, не часто, раз-два в год. Далее речь идет об одном из священников, о его взаимоотношениях с владыкой. И вдруг произносится имя владыки – «архиепископ Сергей (Голубцов)»! Какой иконописец не знает этого имени? Репродукции икон, написанных владыкой, печатались в «Журнале Московской Патриархии». Общался он и с матушкой Иулианией (Соколовой). И не только как иконописца знаю я фамилию владыки – его брат, о. Николай Голубцов, был духовником моего духовника о. Александра Меня. И вот тут, с истории конфликта священника и епископа, происходит моя встреча с о. Александром Ильиным, человеком необычайным. Разговор шел в два голоса, потому что мать была духовной дочерью о. Александра Ильина, а дочь – владыки Сергия. И они с радостью и любовью говорили о своих учителях и наставниках. Александр Иванович Ильин родился 22 августа 1895 г. в деревне Глинки Новоторжского района Тверской области. Родители его – крестьяне из бывших крепостных. До восьми лет Александр Иванович учился в деревенской начальной школе, потом отец забрал его в Петербург. Там он закончил 4-классное Андреевское городское училище. Один из братьев, Михаил, уже учился в Петербургской духовной семинарии, он и подготовил Александра к экзаменам в нее. Его взяли во второй класс. По окончании семинарии в 1915 г. он без экзаменов был принят в Петербургскую духовную академию, где проучился год. Тут война, школа прапорщиков, год на фронте. В 1917 г. он возвращается в родную деревню, где женится на деревенской учительнице Александре Васильевне Пономаревой. В 1918 г. Александра снова забирают в армию, но теперь в Красную, где он служит до 1922 г. по телефонной связи. В 1921–1922 гг. его служба проходила в Петрограде, где он был рукоположен в диаконы преосвященным Алексием, епископом Ямбургским (будущим Патриархом). По освобождении из армии он возвращается на родину, к жене. Там его рукополагает епископ Феофил Новоторжский, викарий Тверской епархии, во священники и направляет служить в Пятницкую церковь в Торжке, где о. Александр служит до 1936 г. В этом же году он был арестован и пробыл в лагерях (Карагандинском, Томском, Асинском, Севжелдорлаге) до 1942 г. Амнистирован в 1953 г., а до 1946 г. был в ссылке, которую с ним разделила его матушка. В 1942–1944 гг. работал бухгалтером в Севжелдорлаге, в 1944–1946 гг. – экономистом в горторге в рабочем поселке Аркадак (Саратовская область), с 1946 по 1949 г. – настоятель Вознесенской церкви в Аркадаке. В «Воспоминаниях» о. Александр пишет, что по приезду в Аркадак были затруднения с питанием. Собирали и ели траву. Матушка заболела брюшным тифом, еле осталась жива. В 1948 г. о. Александр выбирается в Москву и Ленинград, встречается со старыми друзьями, по благословению митрополита Григория становится заочником в Ленинградской духовной академии. По свидетельству его духовных чад, о. Александр никогда не говорил о годах, проведенных в тюрьме. Но в «Воспоминаниях» он пишет об этом периоде достаточно: «С августа 1936 г. в нашей жизни умножаются беды, которые самой большой тяжестью легли на мою матушку... Отчасти я их предчувствовал, но не принимал человеческих мер, все оставляя на волю Господа. Это жертва на алтарь св. Церкви, я взирал на волю Господа и вечное воздаяние, имел опорой Промысел Божий... В 1936 г., 27 августа, я был арестован вместе с епископом Агапитом Новоторжским и многими другими, направлен в лагерь на 5 лет. Матушка осталась с тремя детьми». В 1949 г. о. Александр подает прошение, и его переводят в Ленинградскую епархию настоятелем и благочинным в Лугу, в Казанский собор. В своих «Воспоминаниях» о. Александр называет период 1949–1954 гг. «сравнительно спокойным». Он заочно учится в Ленинградской духовной академии, собирает материалы для кандидатского сочинения «О причащении Святых Тайн», где опирается на опыт ранней Церкви и творения св. Василия Великого, много ездит по благочинию. В 1954 г. митрополит Григорий переводит о. Александра в Новгород настоятелем Никольского собора и благочинным. В 1955 г. умирает митрополит Григорий и митрополитом Ленинградским был назначен Елевферий, а викарием – епископ Сергей (Голубцов). В 1957 г. Новгородская епархия

была отделена от Ленинградской, и епископом Новгородским стал владыка Сергей, а о. Александр сдал дела благочиния и был назначен секретарем епископа Сергея. В 1958 г. умирает матушка Александра Васильевна. В эти тяжелые дни о. Александр заканчивает духовную академию, ездит в Ленинград, сдавать последние экзамены, дописывает кандидатское сочинение. В 1962 г. власть закрывает Никольский собор ("по просьбе трудящихся"), и о. Александр становится настоятелем Филипповской церкви. 1 декабря 1966 г. уходит за штат. Такова жизненная канва этого иерея. Надо сказать, что по фактам – это о быч на я жизнь христианина. Когда я читала книгу о. Александра о познании Бога «Ответы духовным детям» <Книга о. Александра Ильина издана в 1990 г. в Куйбышеве (Самара), видимо, кем-то из его духовных детей> (всего 20 машинописных страниц), меня покорило не только ее содержание, но и форма, и стиль. Эта маленькая книга написана современным священником для современных, конкретных чад, а не для абстрактных аскетов. Так же восхищает и покоряет формулистичность, законченность фраз – ни одного лишнего слова, стиль четок и легок, все прозрачно и просто. Вот несколько записанных им мыслей: Добродетель, в которой нарушена мера, – от диавола. Смирение – свобода. У смиренного человека слова приобретают творческую силу. Церковь будущего состоит из любви. Мучения ада – это мучения отверженной любви. Две основные черты современной жизни – гордость и ложь. Обиды есть очищение, которым Господь хочет нас очистить. Трапеза любви выше поста. Слово Божие следует читать понемногу, но регулярно, и, как пища, претворяясь в организме, оно будет питать нашу душу, являясь живыми клетками нашей души. Хлеб без навоза не растет. Надо жизнь свою так построить, чтобы все шло на пользу. Наша задача – скрыть свой духовный мир, насколько возможно. Воображение – область дьявольская. Воображению надо дать направление. Направить его на познание природы, жизни животных и т. д. Человек, как почка: если попробуешь ее развернуть раньше времени, то погубишь, а придет время – она раскроется. В христианстве особые свойства личности не уничтожаются, а только очищаются, им дается направление. Современные достижения сами по себе нас не могут погубить, если мы будем знать, что начало и конец – в Боге. Открытия совершает разум человеческий, данный Богом. «Воспоминания» о. Александра Ильина содержат также всего 20 страниц машинописного текста. Подробно – ранние биографические сведения, подробно (около 5 страниц) – описание болезни и смерти матушки, остальное – очень интимное, то, что тщательно скрывал: явления, откровения, духовные сны и чудеса, бывшие ему, его близким и прихожанам. И все это собрано не отлетным мистиком, а священником трезвейшего взгляда. Еще до того, как я прочла «Воспоминания», я расспрашивала об о. Александре его духовного сына протоиерея собора Св. Софии в Новгороде Анатолия Малинина. Один из вопросов как раз и был о чудесах, явлениях и т. д. О. Анатолий ответил: «Сам я верю так, без всякого доказательства мистики. И просто не интересовался, было ли – не было, а о. Александр не рассказывал». То есть о. Александр сам являлся образцом того, что говорил в своих «Ответах», – его мистическая жизнь была совершенно сокрыта. Внешне, по словам протоиерея Анатолия Малинина, о. Александр производил такое впечатление: «Аскет, глубоко верующий человек, очень умеренный в пище. Отличительная черта – вообще никогда не пил спиртного, даже на свадьбе дочери »за счастье молодых". В литургической практике следовал тем традициям, которые сложились на данном приходе. Был открыт, общителен и доброжелателен. Цель своей жизни видел в покаянии и причащении. Позиция о. Александра была такая: чем чаще человек причащается, тем лучше. Он не устанавливал, через сколько дней, – чем чаще, тем лучше. Потому что это – и я тоже такого мнения – практика древней Церкви. Ведь апостольское правило прямо говорит: если ты присутствуешь за литургией, а не причащаешься, тогда объясни, почему не причащаешься. Если у тебя нет объяснения, то тебе грозит запрещение, чуть ли не отлучение от Церкви. Смысл-то: «Со страхом Божиим и верою приступите», а тут никто не приступает. Ну, понимаете, какой абсурд получается!" Святая Евхаристия – именно это было средоточием жизни о. Александра и жизни его духовных чад. Именно это стало причиной конфликта между ним и епископом Сергием (Голубцовым). Конечно, конфликт был

не только с владыкой, почти все собратья-священники не принимали этой практики, случались скандалы перед Чашей. Протоиерей Анатолий Малинин рассказывает: «Епископ Сергей (Голубцов) был воспитанником Троице-Сергиевой Лавры и взглядов на частоту причащения придерживался лаврских. Потом у нас здесь служил о. Иосиф Потапов, он себя считал духовным сыном епископа Афанасия (Сахарова) <О жизни владыки Афанасия 1887–1962 гг. см.: Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова. Вестник РХД, № 107, 1973; а также журнал «Православная община», № 4–6 за 1993 г.>. О. Иосиф был против такой практики о. Александра, он возбудил владыку Сергия против него, и между ними были трения относительно частого причащения». <Могила о. Александра на Красном поле в Новгороде, слева, в метре от нее, – могила о. Иосифа Потапова>. А вот что рассказывали мои собеседницы – мать, которая была духовной дочерью о. Александра, и дочь, которая была духовным чадом владыки Сергия. Встретились два достойнейших христианина, по-разному понимавшие место Святой Евхаристии в жизни верующего. Конфликт был очень острым, но очень честным. В отличие от современной практики ведения богословских дискуссий не было анонимных писем, не было доносов в виде обличений, не было «партсобраний» в виде конференций. Не прекращалось совместное служение, не отнималось взаимное уважение и доверие к православию другой стороны. О конфликте знало только близкое окружение. Один раз в полемике о. Александр воскликнул: «Нас рассудит Василий Великий! И он будет свидетельствовать за меня на Страшном Суде!» До конца совместного служения каждый остался при своем мнении, острота конфликта притупилась. А они, видимо, были похожи: оба любили древнерусскую икону, писали иконы. Владыка Сергей расписал нижний храм в церкви Апостола Филиппа. Иконы о. Александра есть у многих его чад. Оба любили красоту храма, богослужение, оба были начитаны в духовной литературе, оба были преданнейшими сынами Церкви... Но как пришел о. Александр Ильин к такой практике, ведь «традиционное» (в рамках XIX века) мнение о частоте причащения – раз в год или (много!) четыре раза постами? Протоиерей Анатолий Малинин говорит: «По-моему, он сам пришел к этому. Я тоже пришел к этой мысли сам, а когда я встретил о. Александра (в 1951 г.), он подтвердил эти мои мысли. Поэтому я так и сблизился с о. Александром. У о. Иоанна Кронштадтского, например, ведь тоже была практика частого причащения. Он каждый день совершал Божественную литургию. Также святитель Димитрий Ростовский также был за частое причащение». Тогда, в связи с практикой частого причащения, встает дисциплинарный вопрос – вопрос поста. Если христианин причащается каждое воскресенье, то практика трехдневного поста становится сложной: приходится поститься в среду, четверг, пятницу, субботу. (К разговору о сложности: 64 апостольское правило, например, запрещает поститься в субботу, еще в XI веке православные указывали латинянам на несоблюдение этого правила.) Как решал этот вопрос о. Александр? Протоиерей Анатолий: «Он вообще этим вопросом не занимался, он не спрашивал, постился ли ты в какой-то определенный день. Ведь о. Иоанн Кронштадтский служил каждый день, на Божественной литургии присутствовало по несколько тысяч, он же не спрашивал, постился или не постился, он почти что всех причащал. Одну женщину о. Иоанн причастил даже после того, как она что-то проглотила в буфете». По рассказам же людей, знавших о. Александра, он считал достаточными те посты, которые Церковь положила своим членам: среда, пятница и большие. Хочется сказать еще о практике духовного руководства о. Александра. В наше время младостарчества (столь четко определенного в докладе митрополита Сурожского Антония «Духовность и духовничество»), когда многие духовники старательно воспитывают своих чад, авторитарно навязывают им свои взгляды, вкусы и представления от самых интимных моментов личной жизни до вопросов культуры и политики, практика духовного руководства о. Александра производит очень ненавязчивое впечатление. Была же фраза, сказанная, впрочем, очень доброжелательным собеседником: «Он ими (чадами) не занимался». И здесь хочется отметить два аспекта. Если помнить о времени, в которое выпало служение о. Александру, то само слово «заниматься» не звучит. В хрущевские времена и сама проповедь была ограничена. Ни о какой катехизации, оглашении, воскресных школах не

было и речи. Библия и молитвословы были величайшими достояниями. Личные черты характера о. Александра не располагали его к учительству. Мистик и аскет, культурный, глубокий, внутренне тихий, иконописец, художник, писатель – о. Александр совсем не «тянет» на грозного духовника с жреческой психологией, держащего чад на коротком поводке и все время одергивающего. Судя по «Ответам» и «Воспоминаниям», о. Александр глубоко верил не только в Бога, но и в человека, в Божественное в человеке, в свободный выбор этого Божественного человеком. Его личный опыт любви и свободы подсказывал, что ученик Христа «трости не переломит», что у него как духовника есть слово проповеди, молитва и любовь. И доверие к человеку. Насильно человека добрым, православным, верующим не сделаешь. Господь тут, рядом, надо только открыть дверь. Но Он в нее не ломится, Он тихо стучит. Такова жизнь протоиерея Александра Ильина, как ее увидела я, никогда не видевшая о. Александра. О. Александр был известен. Его друзьями и сомолитвенниками были многие священники и епископы. Его духовные чада живут не только в Новгороде, и, может быть, они напишут о нем более подробно. А в завершение хочется дорассказать, чем же кончился духовный спор между владыкой Сергием и о. Александром. Владыка Сергей жил на покое в Троице-Сергиевой Лавре и умер в 1982 г., там и похоронен. Под конец жизни позиция владыки относительно частоты причащения изменилась и даже, можно сказать, по свидетельству его духовной дочери, кардинально изменилась. А на кончину протоиерея Александра Ильина, которая пришла 1/14 января 1971 года, владыка откликнулся так: «Ну надо же! Доказал! Умер на Василия Великого!» *Ноябрь 1994 года.*

Благодарю за помощь в подготовке материала протоиерея собора Св. Софии в Новгороде Анатолия Малинина, Анастасию Ивановну Сироту, Людмилу Николаевну Сироту, ризничью собора Св. Софии Екатерину Ивановну, Елену Бездетко.

Владислав Ходасевич: Листик

Поэзия

Прохожий мальчик положил

Мне листик на окно. Как много прожилок и жил,
Как сляжно сплетено! Как семя мучилось в
земле, Пока прозяб росток, Как трудно двигался в стебле
Тягучий клейкий сок. Не так ли
должен я поднять Весь груз страстей, тревог И слез, и счастья —
чтоб узнать Простое слово — Бог?